

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.

1

В настоящей работе автор ставит своей целью привлечь внимание научной общественности к некоторым наиболее значительным проблемам, которые с неизбежностью встают перед всяким, кто берется за пристальное изучение древней славяно-русской переводной книжности.

Еще в 1929 г. академик Н. К. Никольский¹ указал на необходимость проведения предварительной библиографической работы по научному описанию всех сохранившихся как в отечественных, так и в зарубежных собраниях древнерусских (и славяно-русских) рукописей.

Несмотря на то что в свое время самим Н. К. Никольским и сотрудниками возглавлявшейся им Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы было собрано немалое количество библиографических сведений, относящихся к рукописным собраниям, сохраняющим древнюю славяно-русскую книжность,² все же эти работы не завершены и нуждаются в привлечении к ним новых и новых сил и средств.³

В 1958 г. во время работы IV Международного съезда славистов в Москве была образована Эдиционно-текстологическая комиссия при Международном комитете славистов. Был обсужден специальный доклад Е. Э. Гранстрем «О подготовке сводного каталога славянских рукописей».⁴ Перед славистами всех стран был поставлен вопрос о необходимости усилить работу по научному описанию старых славянских рукописей, находящихся в различных хранилищах, было вынесено решение о том, чтобы был составлен Международный сводный каталог славянских рукописей.

Как свидетельствует недавно опубликованная статья Д. С. Лихачева, кое-что в этом направлении исследуется; отдельные энтузиасты и целые научные коллективы сделали уже немало. Но все же признать эту работу

¹ Н. К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929.

² См.: Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. Корректурное издание. СПб., 1906, VII + 596 стр.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Картотека Н. К. Никольского. — Вопросы языковедения, 1961, № 1, стр. 121—125.

⁴ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Изд. ГПБ, Л., 1958, 30 стр.

достаточной и положение с библиографированием древних славянских рукописей благополучным мы не можем.⁵ Главной бедой до наших дней является недостаток постатейных описаний старых сборников, где главным образом содержатся списки памятников переводной письменности. Громадное количество еще не выявленных произведений переводной книжности различных периодов содержится не только в сборниках, но и в таких древних рукописных книгах, как Кормчие, Уставы, Минеи (служебные и четьи), Прологи, Патерики, Хронографы и другие. Именно в этих родах книжности могут обнаруживаться совершенно неожиданные находки. Так, уже свыше 35 лет назад В. Н. Бенешевич обратил внимание на содержащийся в одной из неопубликованных Кормчих календарно-астрономический трактат о Календах, Нонах и Идах, приписанный некоему «великому книжнику Антиохийскому».⁶ Упомянутый трактат включает в себя не известные по другим источникам тексты древнейшего римского писателя Ливия Андроника, ссылки на Овидия, а также много таких словарно-грамматических материалов, которые чрезвычайно важны для изучающих древнюю славяно-русскую переводную письменность и ищущих в ней отражение классической античности. И. М. Тронский, вслед за В. Н. Перетцом⁷ призвавший внимание исследователей к изучению античного наследия в славяно-русской переводной книжности, отметил в своем выступлении на IV Международном съезде славистов, что есть еще много текстов подобного характера, которые остаются неопубликованными и даже вовсе не известными.⁸

И. Дуйчев открыл, что через посредство «Диалогов» Псевдо-Кесария, переведенных в Болгарии в X в., а впоследствии проникших на Русь, славянская переводная письменность получила фрагменты книги сирийского писателя II в. н. э. Бардесана Эдесского *Liber legum Regionum*.⁹

Весьма важные находки удавалось делать при разысканиях в области древнерусской переводной повести И. П. Еремину.¹⁰ Немало подобного же материала встречалось и в нашей личной практике при работе над переводными памятниками.

Поэтому мы можем смело сказать, что до тех пор, пока не будет издан Международный сводный каталог древнеславянских рукописей,¹¹ хотя бы в хронологических пределах до XIII в. включительно, неожиданные находки новых памятников переводной славяно-русской книжности неизбежны.

⁵ Д. С. Лихачев. Работа по описанию старых славянских рукописей в СССР после IV Международного съезда славистов в Москве. — ИЮЛЯ, т. XXI, вып. 1, 1962, стр. 64—67.

⁶ В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде в конце XV столетия. — Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 378—380.

⁷ В. Н. Перетц. Сведения об античном мире в древней Руси XI—XIV вв. — Гермес, т. 21, № 13—20, 1917; т. 22, № 8—12, 1918.

⁸ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 121.

⁹ Там же, стр. 118; см. также: J. Duicev. Le version paleoslave dei Dialogi dello Pseudo-cesario. — *Silloge bizantine in onore di Silvio Giuseppe Mercati*. Roma, 1957, стр. 89—100.

¹⁰ И. П. Еремин. К истории древнерусской переводной повести. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 37—57.

¹¹ Инструкцию по составлению Международного каталога древнеславянских рукописей, принятую на Варшавском совещании ЭDITIONНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ Международного комитета славистов 24 сентября 1962 г., см.: *Slavia*, гоґ. XXXII, 1963, seš. 2.

Не менее печально обстоит дело и с изданием памятников. Несмотря на опубликованные в свое время капитальные труды В. М. Истрина, М. Н. Сперанского и некоторых других исследователей, основной фонд переводной письменности продолжает оставаться неизданным.

Из изданий переводной письменности, которые были осуществлены исследователями прошлого, лишь немногие удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляются к подобного рода критическим изданиям современным уровнем теоретической текстологии и эдиционной практики, выработанной в течение последнего десятилетия при публикации памятников древнерусской литературы.¹²

Пожалуй, лишь публикации текстов Александрии и Хроники Георгия Амартола, выполненные В. М. Истриным, смогли выдержать испытание временем. Что касается, например, подготовленного этим же ученым издания Хроники Иоанна Малалы, то оно явно не удовлетворяет потребностей исследования и заставляет желать нового, лучшего в текстологическом отношении труда. Во-первых, это издание печаталось в нескольких, в большинстве почти недоступных исследователям разных провинциальных периодических изданиях, во-вторых, В. М. Истриным не были привлечены все известные даже в его время списки, наконец, в более позднее время были выявлены в разных сборниках и хронографах новые фрагменты этого текста.¹³ Очень плохо обстоит дело с публикациями древних славянских переводов апокрифической письменности. Имеющиеся издания текстов, осуществленные свыше ста лет назад Н. С. Тихонравовым и А. Н. Пыпиным,¹⁴ печатались, как правило, по единичным, случайно выбранным спискам, без каких бы то ни было попыток подвергнуть публикуемые тексты текстологическому изучению, часто даже без точных указаний на данные рукописей, откуда брались ими эти тексты. Поскольку эти произведения в дальнейшем не изучались, исследователи и издатели, занимающиеся подготовкой критических изданий этих важнейших литературных произведений, вынуждены обращаться к этим устарелым и несовершенным публикациям.¹⁵

В 1958 г. появилось подготовленное нами издание древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия по новому, до того не изучавшемуся списку Виленского хронографа XVI в.¹⁶ Однако это издание имеет много погрешностей, в нем учтены далеко не все списки произ-

¹² См.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 491—499.

¹³ См., например: Д. И. Абрамович. Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века. — Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 19—24; М. Н. Сперанский. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 75—81; см. также Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — Византийский временник, т. XI. М., 1956, стр. 239—248.

¹⁴ См.: Н. С. Тихонравов. Памятник отреченной русской литературы, т. I—II. СПб.—М., 1863; Ложные и отреченные книги старины, собранные А. Н. Пыпиным. — Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862.

¹⁵ Так, например, при новой публикации критического издания текста греческой версии апокрифа «Заветы 12 патриархов», подготовленной Р. Чарльзом в Оксфорде (The greek versions of the testaments of the twelve patriarchs by Robert Henry Charles. 2-nd edition. Oxford—Hildesheim, 1960), даются сведения о славянских изводах этого памятника по книге Н. С. Тихонравова.

¹⁶ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, 578 стр.

ведения, а, главное, тексты двух различных редакций памятника — хронографической (более полной) и так называемой «отдельной» (несколько сокращенной) — изданы вместе, как и в работах В. М. Истрина, что, разумеется, не способствует созданию ясной текстологической истории перевода на русскую почву. Однако при подготовке издания мы вынуждены были пойти на такую неточность издания, так как печатание текстов обеих редакций в их последовательности увеличило бы в полтора раза объем издаваемой книги и задержало бы на несколько лет выход ее из печати.

Отдельные немногие публикации памятников славяно-русской переводной литературы осуществлены в течение последнего десятилетия за рубежом. В первую очередь мы должны отметить тщательно выполненное критическое издание «Книги тайн Еноха». ¹⁷ Но при всех достоинствах издания и текстологического исследования этого апокрифа основным недостатком книги нужно признать то, что она создана только на основании материала, взятого из вторых рук, по публикации М. И. Соколова, посмертно напечатанной в Москве в 1910 г. ¹⁸

Но даже и в таких, пусть недостаточно совершенных, изданиях представлена только небольшая часть всего неисчерпаемого богатства старинной славяно-русской переводной книжности.

Обычно обзор древнерусской переводной литературы начинают с переводов библейских книг. Но много ли мы знаем о текстах, о языке этих переводов? Из числа переводов ветхозаветных книг изданы и изучены в текстологическом отношении только книга Бытия, ¹⁹ книги пророков Исаян и Даниила, ²⁰ некоторые книги «малых пророков». ²¹ Если к этому прибавить текст «Синайской псалтири», глаголического памятника XI в., изданного и исследованного С. Н. Северьяновым, ²² то этим будет исчерпан список доступных нам изданий ветхозаветных славянских текстов. Остаются до сих пор не изданными и не изученными со стороны их текста, языка и стиля такие важные для истории древнерусской переводной литературы памятники, как например перевод книги Есфирь, относящийся к числу древнейших переводов, осуществленных на Руси в Киевскую эпоху с европейского оригинала. Выступление Н. В. Степанова на IV Международном съезде славистов, поддержанное выступавшим вслед за ним Г. И. Колядой, обратило внимание филологов на то обстоятельство, что в славянских текстах ветхозаветных книг содержится немало отступлений от греческого оригинала и, наоборот, совпадений с восточными (сирийскими, армянскими, эфиопскими) списками этих текстов. ²³

¹⁷ A. Vaillant. Le livre des secrets d'Hénoch. Paris, 1952.

¹⁸ М. И. Соколов. Славянская книга Еноха праведного. Тексты, латинский перевод и исследования. — ЧОИДР. М., 1910, вып. IV, 182 + 1 и 176 стр. Имеется и отдельное издание: М., 1910. Подготовлено к изданию М. Н. Сперанским с его предисловием (стр. I—IV).

¹⁹ А. В. Михайлов. 1) Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, вып. I, 1900; вып. II, 1901; 2) Опыт изучения текста книги Бытия, вып. 1. Варшава, 1912.

²⁰ И. Е. Евсеев. 1) Книга пророка Исаян в древнеславянском переводе. СПб., 1897; 2) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905; 3) Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих. — ЧОИДР, 1902, кн. 3, отд. II, стр. 127—164.

²¹ Книги XII малых пророков с толкованием в древнеславянском переводе, вып. 1. Подготовил к печати Н. Л. Туницкий. Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы. Сергиев посад, 1918, VIII, 76 стр.

²² Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Подготовил к печати С. Северьянов. Пгр., 1922.

²³ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 150, 156.

Вопрос, поднятый этим исследователем, заслуживает детального изучения.

Еще слабее изучены в текстологическом отношении переводы книг Нового завета, хотя они принадлежат без сомнения к числу самых древних переводов, сделанных еще первоучителями славян Константином и Мефодием. Единственным критическим изданием, которое имеется в распоряжении исследователей, является издание древнеславянского текста евангелия от Марка.²⁴ Между тем в настоящее время одна из актуальных задач — выяснение текстологической истории древнего славянского перевода евангельских чтений, уточнение вопроса о его «древнерусской редакции». До сих пор не установлено, в каком отношении друг к другу находятся тексты так называемых краткого и полного апракосов. Не выявлено, был ли в процессе составления более полных текстов дополнен неизменный первоначальный перевод, производилось ли при этом параллельное его редактирование или заново осуществлялся перевод всех частей. Многие неясно и в отношении между текстами древнерусских апракосных текстов и текстами четвероевангелий. Особо должен рассматриваться вопрос об истории текста евангельских чтений, приуроченных к дням месящеслова.²⁵ Исследование всех этих вопросов тормозится тем обстоятельством, что мы по существу не имеем не только критического издания переводов, но и публикации древнейших списков, как например Мстиславова евангелия. Что же касается текстов апостольских чтений или книги Апокалипсиса, то в этом отношении даже не предпринималось никаких предварительных разысканий.

Мы уже сказали о важности изучения текстов славянских переводов апокрифических произведений. Интерес к ним в наши дни приобрел особо жгучий характер в связи с последними находками новых текстов в пещерах Хирбет-Кумрана, где обнаружены древнееврейские и арамейские оригиналы для тех произведений, которые до недавнего времени считались безнадежно утраченными или о которых принято было думать, что они составлялись первоначально на греческом языке.²⁶

Попутно заметим, что на Западе для текстологических исследований уже десять лет назад были применены новые технические методы. В частности, для установления первоначального греческого текста Нового завета в Гарвардском университете использовали электронно-вычислительную машину «Марк». С ее помощью были сопоставлены варианты и разночтения, находимые в 311 наиболее древних списках, и это сопоставление привело к положительным результатам.²⁷ Применение электронно-вычислительных установок для текстологического изучения древних славяно-русских переводов тоже без сомнения могло бы оказать существенную помощь исследователям.

Едва ли не половину всего древнего славяно-русского рукописного фонда составляют во всех наших хранилищах списки текстов гимнологического и литургического содержания. Из многочисленных служебных

²⁴ Г. А. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896.

²⁵ Л. П. Жуковская. О переводах евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия. — Сборник статей по славянскому языкознанию под ред. В. В. Виноградова. М., 1959, стр. 86—97. См. также выступление Л. П. Жуковской на IV Международном съезде славистов (Материалы дискуссии, т. II, стр. 149).

²⁶ См.: Н. А. Мещерский. Следы памятников Кумрана в древней славянской и русской письменности. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963.

²⁷ К. Зелинский. С точки зрения литературоведа. — Литературная газета, 6 сентября 1962 г., № 107 (4540).

миней, кондакариев, ирмологиев, стихирарей, октоихов, триодей, служебников и евхологиев изучены в отношении содержания и состава их текстов, в отношении их языка немногие единицы. Кроме изданных еще 80 лет назад новгородских служебных миней 1095, 1096 и 1097 гг.,²⁸ лишь в недавнее время появилась работа западногерманского слависта Эрвина Кошмидера, посвященная исследованию и изданию отрывков новгородского ирмология XII в. Уникальные памятники славяно-русского языка и письма, как например «Путьятина минея» (хранящаяся в Отделе рукописей ГПБ), «Благовещенский кондакар» и «Толстовская псалтырь» (хранящиеся там же), как служебные минеи, датируемые XI—XII вв. (находящиеся в Москве, в ЦГАДА), и многие другие, недоступны для широкого круга исследователей. Некоторые из подобных книг являются крюковыми и поэтому представляют интерес и с точки зрения истории музыки.

Третий род переводных произведений, которому также принадлежит весьма заметное место в хранилищах старинной славяно-русской письменности, — это памятники патристической литературы. Слова, проповеди, поучения создавались многочисленными раннехристианскими и византийскими деятелями церкви и неукоснительно переводились на славянский язык. В далеко еще не полностью учтенных и приведенных в известность списках «Изборников» и «Соборников», в «Торжественниках» и «Измарагдах», в «Златоструях» и «Златоустах», в «Златых цепях» и «Пчелах», в прологах и четьях-минейях, в «учительных» евангелиях и апостолах мы встречаем сотни и тысячи переводных произведений этого рода книжности, в большинстве своем не изданных и не изученных.

Особая трудность при текстологическом изучении одного типа книжности заключается в том, что русские переводчики, редакторы и переписчики подходили к используемому ими материалу весьма свободно. Они изменяли по своему усмотрению не только языковые черты текстов, но и их содержание. Они обращались с этими произведениями как с собственным литературным достоянием, сокращали, дополняли глоссами и вставками из других произведений, приспособляя к понятиям, потребностям и вкусам современной им общественной среды и эпохи. Поэтому в массе памятников подобного рода мы обнаруживаем множество псевдэпиграфов, надписанных именами византийских, раннехристианских, а порой даже библейских религиозных авторитетов, в действительности же сочиненных южнославянскими или русскими проповедниками.

Так, в многочисленных рукописных сборниках, начиная с XIV в., можно встретить произведение, надписанное: «Слово с рыданием Исайи пророка о последних днях». Популярность этого памятника в связи с его эсхатологическим содержанием не ослабевала вплоть до XVII в., когда это «Слово» было включено в одно из старопечатных изданий «Евангелия учительного». Этот текст обычно рассматривается в качестве одного из ветхозаветных апокрифов и поэтому внесен в издание И. Я. Порфирьева.²⁹ Предполагалось, что это пророческое произведение обязательно должно было восходить к какому-то греческому оригиналу. Однако этого подлинника не удается отыскать. Вероятнее всего мы имеем дело с самостоятельным творчеством русского книжника. По содержанию и по стилю

²⁸ И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886. См. также: С. Н. Азбелев. Отрывок славянской служебной минеи XI—XII вв. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 432—435.

²⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 263—267.

«Слово» стоит весьма близко к памятникам древнерусского проповедничества, в частности к проповедям Серапиона Владимирского, созданным после татарского нашествия. В этом тексте не раз мы находим упоминание о «князех немилостивых», говорится в нем о приметах приближения «последних дней», в том числе о пожарах в борах и болотах, о которых многократно сообщается и в летописных известиях.

Даже в текстах патристических произведений, бесспорно определяемых как переводные, нередки интерполяции русского происхождения, например содержащие имена божеств славянского пантеона. Так, в слове, приписываемом Григорию Богослову, читаем о почитании языческих богов древними славянами: «Тѣмъ же богомъ требу кладуть и творятъ и словенскыи языкъ. Виламъ и Мокошьи, Дивѣ, Перуну, Хърсу, роду и Рожаници, упиремъ и берегынямъ и Переплуту. И вертячеся пьють ему в розѣхъ и Огневи Сварожицю моляться, и навъмъ мовь творятъ, и в тѣстѣ мосты дѣлають, и колодязѣ и ина многа же на утѣхъ».³⁰

Нередко можно встретиться и с таким явлением, когда в переводной письменности литературный материал, восходящий еще к языческой античности, преподносится под именем какого-либо патристического авторитета. Под заглавием «Разумения единострочные Григория Богослова» читаются, например, афоризмы Менандра, древнегреческого драматурга IV в. до н. э.³¹ Поэтому-то к переводным памятникам патристического содержания требуется особенно осторожный подход. Они нуждаются в строгом текстологическом исследовании, чтобы в них выделить все исторические напластования и отделить переводной фонд от самобытного творчества южнославянских и древнерусских книжников.

Насколько не определены еще взаимоотношения между переводным и оригинальным в древней славяно-русской письменности, можно судить, например, по изучению знаменитых «Изборников» Святослава. Если относительно «Изборника» 1073 г. нет сомнения, что он переведен в Болгарии в царствование Симеона и что все находящиеся в нем статьи восходят к греческим оригиналам, как это было установлено еще А. В. Горским,³² то с «Изборником» 1076 г. дело обстоит значительно сложнее. Еще в 1934 г. Н. П. Попов доказывал не только то, что этот памятник был создан на почве Киевской Руси, но и то, что его составителем и возможным автором многих статей был Иларион, первый киевский митрополит из русских, поставленный независимо от константинопольского патриарха.³³ Позднее советский исследователь И. У. Будовниц, рассматривая состав и содержание «Святославова изборника» 1076 г., хотя и polemизировал с Н. П. Поповым, считая тон и дух статей «Изборника» находящимися в противоречии с известным нам творчеством Илариона, однако все же полагал, что это памятник русской литературы и что ни одна из статей, приписываемых в «Изборнике» 1076 г. Иоанну Златоусту, Василию Великому и Афанасию Александрийскому, на самом деле им не при-

³⁰ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1873, стр. 232—234.

³¹ М. Н. Сперанский. Разумения единострочные Григория Богослова и Разумия Мудрого Менандра в русском переводе. — ИОРЯС, 1898, т. 3, стр. 541—544. См. также: А. И. Клибанов. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 158—181. Там же другие примеры подобного же рода.

³² А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание рукописей Синаодальной библиотеки, т. II, ч. 1. М., 1859, стр. 365—405.

³³ N. Popov. 1) L'Изборnik de 1076 dit le Svjatoslav, comme monument littéraire. — Revue des études slaves, t. XIX. Paris, 1934, pp. 1—2; 2) Les auteurs de l'izbornik de Svjatoslav de 1076. — Revue des études slaves, t. XV. Paris, 1934, стр. 3—4.

надлежит; в лучшем случае из сочинений этих лиц взяты небольшие отрывки или отдельные изречения, совершенно теряющиеся в окружении оригинальных мыслей, наставлений и обращений.³⁴ В настоящее время «Изборник» 1076 г. подготовлен к печати Сектором по изданию памятников при Институте русского языка АН СССР. При этом, разумеется, была проведена соответствующая текстологическая подготовка издания, к большинству статей подобраны их оригиналы. Задерживающийся выход в свет этого чрезвычайно нужного издания тормозит и окончательное решение спора между исследователями о степени участия русских авторов в создании этого памятника.³⁵

В прошлом из памятников переводной патристической письменности были опубликованы весьма немногие. Труды А. С. Архангельского не отличались необходимой точностью и полнотой.³⁶ Почти 100 лет прошло со времени выхода в свет наиболее обстоятельного издания и исследования подобного рода произведений: перевода 13 слов Григория Богослова по русскому списку XI в., хранящемуся в ГПБ.³⁷ Весьма совершенные в текстологическом отношении публикации текстов, осуществленные М. Н. Сперанским, охватывают лишь незначительную часть неисчерпаемых материалов. Необходимо напомнить об одном мало известном в нашей стране зарубежном издании. Мы имеем в виду «Слова» раннехристианского писателя III в. Мефодия Олимского (Патрского), которого не следует смешивать с одноименным автором апокрифического «Откровения», широко популярного в средневековых славянских литературах. В 1930 г. французский славист А. Вайан осуществил издание названных патристических памятников по русским спискам XV—XVI вв., сохранившимся в бывшей библиотеке Антониева Сийского монастыря. Ценность опубликованных Вайаном славянских переводов определяется в первую очередь тем, что греческие оригиналы многих «Слов» Мефодия утрачены и славянские их тексты выступают в качестве единственного источника, по которому может быть исследовано наследие этого древнего писателя.³⁸

Произведения патристической книжности по своему содержанию и стилю примыкают, с одной стороны, к памятникам библейским. С другой стороны, они близки к литургическим и гимнологическим текстам. Поэтому изучение всех этих трех родов письменности должно быть неразрывно связано между собой.

В переводной патристической книжности находятся изложение догматики и тогдашней философии, прославление церковных торжеств и празднеств, обоснование религиозной морали и обличение пороков общества того времени. Именно благодаря этому патристическая литература, более чем какой-либо другой род письменности, служила для формирования и укрепления идеологической надстройки, свойственной феодальному строю.

³⁴ И. У. Будовниц. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучения» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 44—76.

³⁵ В. Ф. Дубровина. О греческих параллелях к Изборнику 1076 г. — ИЮЛЯ, т. XXII, вып. 2, 1963, стр. 104—109.

³⁶ А. С. Архангельский. 1) К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888; 2) Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных исследований, I—IV. Казань, 1889—1890.

³⁷ А. С. Будилович. Исследование языка перевода тринадцати слов Григория Богослова по рукописи Публичной библиотеки XI в. СПб., 1871—1875.

³⁸ A. Vaillant. Le De Autexusio de methode de l'Olympe. Version slave et texte grec édit et traduit en français par A. Vaillant. — Patrologia orientalis, t. 22, fasc. 5. Paris, Firmin—Didot, 1930.

При помощи ссылок на «святоотеческие» авторитеты доказывали свою правоту как ревнители и защитники этой идеологической системы, так и те смельчаки, которые, впадая в ереси, пытались ее критиковать и опровергать. Поэтому историю идеологических движений в средние века невозможно изучать, если не строить ее на основании глубокого проникновения в литературную историю патристической книжности. Без такого изучения невозможно понять идеи богомилства и исихазма, нельзя проникнуть в сущность споров между паламитами и варлаамитами. Равным образом исследование учений стригольников или русских еретиков XV—XVI вв. должно быть построено с учетом исследования судьбы патристической письменности на русской почве и ее текстологического изучения. Хороший пример подобного исследования мы находим в книге Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в.».³⁹ Однако здесь речь идет главным образом об оригинальных произведениях русских авторов этой эпохи, к изучению которых советский исследователь сумел подойти во многом по-новому, в первую очередь благодаря глубокому вниманию к их литературной истории.

На исследовании же главным образом переводной письменности построены работы А. И. Клибанова, в которых он плодотворно исследует идеологические течения феодальной Руси.⁴⁰

3

Следующий вопрос, который с необходимостью встает перед всеми исследователями славяно-русской переводной письменности, — это вопрос о доле русских переводчиков в ее создании. В свою очередь эта проблема неразрывно связана с другой: какими приемами можно установить принадлежность того или иного древнего славянского перевода к творчеству южнославянского или русского переводчика?

Известно свидетельство Начальной летописи об организации князем Ярославом книжного и переводческого дела в Киеве.⁴¹ В нем содержится косвенное указание на существование у древнерусских книжников собственных переводов, независимых от южнославянского мира. Решаясь на расширительное истолкование данного летописного известия, мы имеем возможность распространить его на весь период существования Киевского государства, считая вероятным, что подобные же переводы могли осуществляться не только в самом Киеве, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например в Галиче или во Владимире, в Новгороде или в Смоленске, в период их расцвета, вплоть до татаро-монгольского завоевания.

Вполне вероятно, что переводы, сделанные русскими книжниками, содержат какие-то общие для всех их черты языка и стиля, благодаря которым они и могут быть отличены от переводов, созданных у южных или у западных славян, но имевших также широкое обращение в древнерусской письменности. Уже в статье, опубликованной несколько лет назад,

³⁹ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

⁴⁰ А. И. Клибанов. 1) К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности, стр. 158—181; 2) У истоков русской гуманистической мысли. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1, стр. 22—39; № 2, стр. 45—63; 1959, № 1, стр. 33—49; 3) Реформационные движения в России. Изд. АН СССР, М., 1960.

⁴¹ Повесть временных лет, т. 1. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 102.

мы подняли вопрос о том, нельзя ли усмотреть в подобных явлениях традиции самобытной переводческой школы, существовавшей в Древней Руси. Ведь большинство таких переводов отличается общей манерой изложения, одинаковыми стилистическими приемами, хотя они без сомнения были выполнены не одним и тем же переводчиком и не в одно время.⁴²

Теперь, когда в круг нашего исследования оказался включенным ряд новых материалов, мы имеем возможность повторить наше предположение с большей уверенностью.

В 1910 г. А. И. Соболевский первый попытался установить критерий, на основании которого можно было бы из массы памятников древнерусской переводной письменности выделить именно те, которые могли быть переведены непосредственно на Руси. В статье «Особенности русских переводов домонгольского периода» этот исследователь прямо поставил вопрос: «Как отличить переводы, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?»⁴³

А. И. Соболевский правильно полагал тогда, что основная трудность поставленного им вопроса заключается в большей или меньшей однотипности того славяно-русского литературно-письменного языка, который встречается нам во всех письменных памятниках, сохранившихся от киевской эпохи в подлинниках или в более поздних списках, бытовавших в рукописной традиции вплоть до XVI—XVII вв., независимо от места и времени происхождения подлинников.

Мы вполне можем поддержать и то положение, высказанное А. И. Соболевским, в котором он утверждал, что этот язык, встречаемый в переводных памятниках, существенными чертами не отличается от литературно-письменного языка, которым писались такие оригинальные произведения Древней Руси, как летописи, жития Феодосия Печерского или Бориса и Глеба, слово Илариона «О законе и благодати», проповеди Кирилла Туровского и даже «Слово о полку Игореве».

По причине однотипности языка, как считал А. И. Соболевский, почти невозможно отличить те переводы, которые были выполнены на Руси, от переводов иного происхождения, особенно в случаях, если эти произведения невелики по своему объему.

Мы можем согласиться с А. И. Соболевским в том, что если переводный памятник достаточно велик по объему, то значительно легче решить вопрос о месте перевода, исходя из данных его языка.

Каков же основной критерий, которым следует руководствоваться в этих случаях? Соболевский был в том отношении прав, что признаки фонетические и морфологические легче всего подвергались изменениям при переписке переводного памятника русскими писцами и редакторами. Поэтому такие черты языка могут быть использованы лишь в качестве дополнительных свидетельств, но все же вовсе пренебрегать ими не следует. Особо же важное значение имеет для определения, где был сделан перевод, характерная лексика, присутствующая в словарном составе перевода.

Как и в нашей предыдущей статье, мы можем высказать свое согласие с этим лексическим критерием, который был выдвинут А. И. Соболевским, но признать его нуждающимся в некотором уточнении. Впоследствии

⁴² Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 55.

⁴³ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, т. XXXVIII, вып. 3, 1910, стр. 162.

В. М. Истрин несколько усовершенствовал методику применения этого лексического критерия к определению места перевода памятника славяно-русской письменности.⁴⁴

Этот исследователь, оценивая статью А. И. Соболевского, писал: «Она имеет ценность сколько по материалу, столько же и по указанию пути, по которому должно идти решение трактуемого вопроса». Как указал В. М. Истрин, некоторые слова из отмеченных у А. И. Соболевского оказались и в памятниках южнославянских. Потому присутствие таких слов в том или ином памятнике, русское происхождение которого лишь заподозривается, не может иметь решающего значения без привлечения других доказательств.⁴⁵

Далее, рассматривая словарный состав древнего славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола, В. М. Истрин указывал: «...если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны русскими, то мы не можем сомневаться в том, что они восходят к первооригиналу. Все дело, следовательно, в том, чтобы определить именно русское происхождение того или другого слова».⁴⁶

Общепризнанно катастрофическое для исследователей состояние русской и славянской исторической лексикологии. До наших дней, как и в годы, когда работал В. М. Истрин, приходится пользоваться почти исключительно словарями Миклошича и Срезневского, хотя их неполнота и несовершенство не вызывают сомнений. Как отмечал В. М. Истрин, оба словаря в отношении к помещенным в них лексическим материалам дополняют друг друга. У Миклошича преобладают памятники собственно старославянские и южнославянские, у Срезневского в одинаковой степени использованы как старославянские, переписанные в России, так и памятники собственно русские. «Поэтому, — читаем мы в книге В. М. Истрина, — если, например, какое-либо слово у Миклошича не встречается, а у Срезневского отмечено лишь в памятниках русских, то, хотя безусловного и абсолютного вывода отсюда сделать еще нельзя, однако на это обстоятельство всегда следует обращать внимание: в нем можно видеть одно из побуждений для дальнейших изысканий».⁴⁷

Со своей стороны мы имеем возможность к этому добавить еще некоторые соображения. Ведь и наличие того или иного слова в словаре Миклошича тоже само по себе еще не дает основания считать данное слово непременно старославянским, а не восточнославянским. Во-первых, Миклошич привлекал не только в собственном смысле старославянские, но и русские лексические материалы через записи А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и др. Во-вторых, в числе южнославянских письменных памятников, использованных Миклошичем, мы встречаем и такие, как «Пролог», «Кормчая» и подобные рукописи, переписывавшиеся в южнославянских областях в XII—начале XIII в. с русских оригиналов, а благодаря этому сохранявших восточнославянские лексические черты, внедрявшиеся в письменный язык болгар и сербов.⁴⁸

Таким образом, вопрос о южнославянском или исключительно восточнославянском происхождении того или иного слова в письменном памят-

⁴⁴ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола о древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922.

⁴⁵ Там же, стр. 271—272.

⁴⁶ Там же, стр. 295.

⁴⁷ Там же, стр. 296.

⁴⁸ См. в связи с этим: М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. Русские памятники письменности на Юге славянства. — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Учпедгиз, М., 1960, стр. 7—55.

нике может решаться только на основании специального исследования, и окончательное уточнение принадлежности какого-либо слова к южно-славянскому или восточнославянскому лексическому фонду не может быть произведено до тех пор, пока не будет закончен печатанием издаваемый сейчас в Чехословакии полный словарь старославянского языка⁴⁹ и пока не будет создан такой же полный исторический словарь языка русского. А до тех пор, условно и с оговорками, применение критерия, разработанного А. И. Соболевским и В. М. Истриным, может быть принято как единственный более или менее надежный рабочий прием.

По указанному лексическому признаку А. И. Соболевский в выше-названной статье определил до двух с половиной десятков произведений, которые, по его мнению, были переведены в Киевской Руси.

Составленный А. И. Соболевским список должен быть пополнен некоторыми переводными произведениями, которые либо остались неизвестными в то время, когда он писал, либо ускользнули от его внимания по каким-нибудь другим причинам. Так, еще в 1958 г. мы сочли необходимым упомянуть перевод книги «Иосиппон», сохранившийся в отрывках различного объема в Еллинском летописце второй редакции и в других компилятивных сводах всемирно-исторического содержания.⁵⁰ Об этом переводе далее мы скажем подробнее.

За последние годы нам удалось установить, что необходимо в этот список памятников, переведенных в Киевской Руси в домонгольский период, внести еще несколько ветхозаветных апокрифов. В частности, должен быть поставлен вопрос о времени и месте перевода «Откровения Авраама», дошедшего до нас в списке XIV в., в так называемом «Сильвестровском сборнике».⁵¹ Как мы скажем об этом подробнее в дальнейшем, есть все основания предположить русское происхождение перевода и для славянской книги Еноха в ее краткой редакции.⁵²

Необходимо уточнить вопрос о датировке и о самобытном или переводном характере такого произведения, как «Сказание о царице Динаре», которое М. Н. Сперанский и другие ученые признали оригинальным творчеством русских книжников XV или XVI в.⁵³

В целом список переводных произведений, относимых А. И. Соболевским к Киевской Руси домонгольской эпохи, можно признать достаточно правильным.

В течение совсем недавних лет была сделана попытка поставить рядом с лексическим критерием новый, синтаксический критерий для определения национальной и языковой принадлежности переводчиков, работавших над созданием переводов в Киевской Руси.

Ценность наблюдений над синтаксисом переводных произведений для определения национальной принадлежности древнеславянских переводчиков киевского периода была впервые рассмотрена в работах Геберта

⁴⁹ Slovník jazyka staroslovénského. Lexicon linguae palacoslovenicae, s. I—IV. Praha, 1958—1961.

⁵⁰ Н. А. Мещерский. 1) Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, вып. 2 (64—65). М.—Л., 1956, стр. 58—68; 2) К вопросу об источниках «Повести временных лет». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 57—65.

⁵¹ См.: Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I—II, стр. 32—53; «Откровение Авраама» по списку Сильвестровского сборника XIV в. — ПДП, вып. XCIX. СПб., 1891.

⁵² См.: Н. А. Мещерский. Следы памятников Кумрана в древней славянской и русской литературе.

⁵³ Л. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 308—310.

Бройера. Ученый опубликовал в 1957 г. обстоятельное исследование по синтаксису сложного предложения в старославянском и древнерусском литературно-письменном языке, в котором он детально проанализировал структуру придаточных предложений цели, косвеннопобудительных предложений, зависимых от глаголов со значением «просить», «молить», «приказывать» и т. п. Бройер считает, что можно выделить в структуре таких предложений два типа, первый из которых определяется наличием союза «да» (или других с подобным же значением) и форм изъявительного наклонения (будущего простого), например: моли я, да придуть. Второй структурный тип таких же предложений состоит из того же союза «да» и сказуемого в формах сослагательного наклонения, например: моли ся, да бы пришьель. На основании статистических подсчетов германский славист пришел к выводу, что первый тип чаще встречается в собственно старославянских письменных памятниках, поэтому может быть условно признан южнославянским типом, второй же употребляется в древнерусских памятниках сначала преимущественно, впоследствии же исключительно.⁵⁴

На IV Международном съезде славистов в Москве Бройер выступил с докладом, где изложил продолжение своих наблюдений и выводы, к которым он пришел в результате изучения таких произведений древней славяно-русской переводной книжности, как Хроника Георгия Амартола и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.⁵⁵ Согласно наблюдениям Бройера, оказывается, что в названных памятниках предложения второго типа обнаруживаются на тех страницах, где одновременно с этим отмечается характерная древнерусская лексика, не представленная в памятниках собственно старославянского происхождения, т. е. слова, на основании которых В. М. Истрин и А. И. Соболевский считали возможным говорить о переводе этих произведений в Киеве в домонгольский период. Наоборот, на тех страницах, где наблюдаются синтаксические конструкции первого типа, свойственные южнославянским памятникам, подобная лексика отсутствует. На основании этого Бройер приходит к широко обобщающему выводу историко-культурного значения.

По предположению Бройера, обнаруженные им особенности синтаксических конструкций в древних славяно-русских переводах и соединение их с характерной лексикой могут быть объяснены будто бы тем, что эти переводы созданы каждый трудом не одного, а целой комиссии переводчиков, в состав которой входили как русские, так и уроженцы южнославянских земель, работавшие при дворе киевского князя Ярослава в XI в. Те места названных книг, где преобладают предложения второго типа и восточнославянская лексика, переведены якобы русским переводчиком. Те же места, где преимущественно встречаются синтаксические конструкции первого типа и где отсутствует восточнославянская лексика, можно считать плодом переводческой деятельности болгарского книжника. Правда, следует заметить, что в резюме своего доклада, напечатанном на русском языке, Бройер не включил последнего вывода.

Во время съезда славистов автор настоящей статьи выступил с возражениями по докладу Бройера.⁵⁶ В несколько более развернутой форме

⁵⁴ Н. Bräuer. 1) Untersuchungen zum Konjunktiv in Altkirchen-slavischen und im Altrussischen, Teil I. Die Final und abhängigen Heischersätze. Wiesbaden, 1957; 2) Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur. Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussisch Übersetzungsliteratur. Heidelberg, 1958.

⁵⁵ Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы. — IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II, стр. 248—250.

⁵⁶ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II, стр. 262.

они опубликованы нами в статье, посвященной синтаксису переводных произведений.⁵⁷ Позволим себе и в настоящей работе вернуться к этим положениям и обосновать их аргументацию рядом новых наблюдений.

Прежде всего обратимся непосредственно к тому материалу, который привлекал для своих построений Бройер.

Проведенный нами анализ синтаксических конструкций текста «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе по подготовленному нами изданию (см. таблицу) показал, что в нем действительно обнаруживаются придаточные предложения, названные Бройером придаточными предложениями цели и «косвеннопобудительными», относимые к обоим из отмеченных им типам.

Книги и главы	Придаточные предложения цели			Косвеннопобудительные предложения	
	с союзом «да» и с изъявительным наклонением	с союзом «ать»	с союзом «да» и с сослагательным наклонением	с союзом «да» и с изъявительным наклонением	с союзом «да» и с сослагательным наклонением
Книга I, главы I—XXIV ⁵⁸	25	3	5	19	4
Книга I, главы XXV—XXXIII	8	—	3	18 ⁵⁹	5
Книга II	28	1	8	48	2
Книга III	18	1	2	10	2
Книга IV	13	—	5	12	2
Книга V	17	—	—	23	2
Книга VI	10	—	2	17	4
Книга VII	25	—	1	18	—
Итого	154	5	26	165	21
Всего предложений	185			186	

Анализируя предложения указанных типов, мы должны отметить прежде всего, что границы между ними условны. Так, подобно Бройеру, мы склонны относить предложения, зависимые от глаголов со значением «посылать», к предложениям «косвеннопобудительным». Во-вторых, наш подсчет помогает уточнить цифровые данные, приводимые в статье Бройера. У него лишь 15 предложений со сказуемым в сослагательном наклонении, относимых им к косвеннопобудительным, в то время как по нашему подсчету их оказывается 21.

Бройер не выделяет в качестве особого типа придаточные предложения цели с союзом «ать» («ати»). Между тем 5 примеров с подобными союзами мы должны признать весьма показательными для установления русского происхождения перевода. Вероятно, нельзя считать случайным, что 3 из предложений с такими союзами оказываются в начальных гла-

⁵⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — Сборник «Теория и критика перевода». Изд. ЛГУ, Л., 1962, стр. 98—101.

⁵⁸ Главы I—XXIV книги I выделяются в особую группу, так как они сохранились лишь в так называемой «Архивской редакции» и наиболее насыщены восточнославянскими элементами языка.

⁵⁹ В том числе два предложения с союзом «да» и повелительным наклонением.

вах книги I, которые имеются лишь в Архивском и Виленском списках, т. е. в так называемой «хронографической» редакции перевода.

По подсчетам Бройера, которые он проводил по изданию В. М. Истрина (Париж, т. I, 1934; т. II, 1938), 19 примеров из рассматриваемых у него косвеннобудительных предложений с сослагательным наклоном сосредоточены между страницами 50 и 204. Нахождение этих примеров в таком «тесном соседстве», по его выражению, не может быть случайным. Он пытается найти тут же в окружении придаточных предложений с сослагательным наклоном в роли сказуемого, что признается им за русский тип синтаксической структуры, и соответствующую восточнославянскую лексику, как например слова «керьстица», «потъснутися», «щепка», «страдати» в значении «работать», «порочник» (воин, стреляющий из стенобитного орудия) и др.⁶⁰

По нашему мнению, выводы Бройера не вытекают из беспристрастного изучения материала.

Как показывает приведенная таблица, придаточные предложения цели и косвеннобудительные с сослагательным наклоном в качестве сказуемого распределены по всему тексту «Истории» равномерно, не считая заключительных страниц книги VII, где, однако, находим придаточное предложение цели подобной же структуры в заключительной части, на самой последней странице. Предложения, где в качестве сказуемого выступает сослагательное наклоние, находятся на весьма близком расстоянии от предложений такого же значения, но с изъявительным наклоном, что Бройером признается за показатель, свидетельствующий о болгарском происхождении текста. Так, на стр. 181 (книга I, глава VIII) мы читаем: «...но и Арканъ промышляше воемъ и приставилъ Антипатра, да вся угодная несеть воемъ» (придаточное цели с изъявительным наклоном); «Скавръ же, сообщився с ним, посла к Арефе цесарю аравийскому, да бы свободилъ от рати землю свою дарми» (косвеннобудительное предложение с сослагательным наклоном). Иногда мы находим даже в одном и том же сложноподчиненном предложении два придаточных с различной структурой. Так, на стр. 332—333 (книга IV, глава III) читается: «Ананъ посла к ним Ивана с мирным словом, да быша ся умирили и не осквернили святая, преже закленъ его, да приять ему и людем и не проявить ревнителем ни думы, ни слова, ни дѣла». Как видим, здесь первое придаточное предложение косвеннобудительное, зависящее от глагола — сказуемого главного предложения — «посла», имеет в качестве сказуемого форму сослагательного наклона — «да быша ся умирили и не осквернили». Второе же придаточное предложение, зависимое от причастия «закленъ», тоже может рассматриваться как придаточное косвеннобудительное, однако оно содержит в себе сказуемое в форме изъявительного наклона с союзом «да».

Что же касается специфической восточнославянской лексики, то ее более чем достаточно и в составе тех предложений, в которых находим синтаксические построения с союзом «да» и изъявительным наклоном. Так, на стр. 416 (книга VI, глава IV) находим: «Тить же отступи къ Антонии, нарядивъ воя, да утро приступать вси около църквы». Здесь в качестве второстепенного сказуемого в главном предложении, от которого зависит косвеннобудительное придаточное, мы имеем характерное древнерусское сочетание, бытовавшее в военно-дружинном обиходе в киевский период, как «нарядити воя». Придаточное же имеет в своем составе союз «да» и сказуемое в изъявительном наклонении. Приведем еще

⁶⁰ Н. Bräuer. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur, стр. 23—25.

несколько подобных примеров. На стр. 450 (книга VII, глава VI) читаем: «И начат (Васс) насыповати я, тьсняся, да скоро възвысит приспы, и обсьде град». Здесь отмечаем такие восточнославянские лексемы, как «насыповати» (глагол многократного вида с суффиксом «-ова-»), глагол «тьснитися», рассматриваемый и Бройером в качестве приметы русского происхождения памятника; существительное «прис[ъ]па» — насыпной вал (ср. современное украинское «призьба» — завалинка около хаты). Наряду с этим структура косвеннопобудительного придаточного предложения с изъявительным наклонением в качестве сказуемого, что Бройером признается показателем южнославянского происхождения текста. Возьмем еще дальше случайно встретившееся нам предложение на стр. 462 (книга VII, глава IX): «Римляне... вськричаща с конии, да выинудуть гражданаѣ на съчу». В этом предложении с той же самой структурой отметим характерный глагол с восточнославянской приставкой «вы-» в качестве сказуемого в придаточном предложении. Примеры подобного типа можно умножить. Таким образом, мы имеем возможность со всей ответственностью заявить, что гипотеза Бройера не подтверждается более глубоким анализом им же рассматриваемого материала.

Кроме того, следует заметить, что Бройер, привлекая примеры из памятников древнерусской переводной письменности, совершенно не останавливается на стилистической стороне разбираемых им предложений. Между тем очевидно, что в ряде случаев выбор переводчиком именно данной синтаксической конструкции мог зависеть как от общего смысла и стиля контекста, так и от ближайшего лексического окружения фраз. Так, на стр. 167 (книга I, глава I) находим: «Они же (Товиины сыны), прибѣгше к Антиохови, молишася ему, да бы я посадилъ во Иудѣи». Здесь от сказуемого главного предложения «молишася» зависит косвеннопобудительное придаточное древнерусского (по Бройеру) типа с глаголом в сослагательном наклонении в качестве сказуемого. Контекст этого абзаца вполне «светский», речь идет о конкретных просьбах, о житейских делах. На странице же 226 (книга I, глава XXVIII) встречаемся с иной синтаксической конструкцией: «Молю же ся и богу, да благоволить сеи бракъ на ползу цесарствию моему и моим внучатом». Здесь и лексика возвышенная, церковнославянская, и речь идет о молитве к богу, произносимой Иродом, и придаточное предложение носит книжный, славянский характер. Еще более яркий пример находим в главе XXIX той же книги: «И бѣаше с тѣми Саломина въ соблюдение, посла къ римлянскимъ властелемъ, глаголя, да быша писали ко отьцю, а бы послалъ к цесареву в Рим». ⁶¹ Здесь в одном и том же сложном предложении с характерной русской конструкцией сказуемого в сослагательном наклонении, причем второе предложение начинается еще более характерным для русской письменности союзом «а[бы]». И это связано, очевидно, с содержанием и стилем контекста, поскольку речь идет о частной деловой переписке. Несколькими строками далее написано об официальном завещании Ирода, «в них же написано бысть... по Антипатрѣ Ирод наслѣдникъ цесарствия да будетъ». ⁶² Официальному характеру цитируемого государственного документа соответствуют и лексика, и синтаксическая структура придаточного предложения с ее церковнославянским «да будетъ». Таким образом, если наличие синтаксической структуры косвеннопобудительных предложений с сослагательным наклонением, на наш взгляд, безусловно доказывает, что текст перевода составлял восточный славянин, то, наоборот, присутствие в пред-

⁶¹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 228—229.

⁶² Там же, стр. 229.

ложении старославянских по своему происхождению конструкций еще никоим образом не может доказывать, что текст, в котором подобные синтаксические структуры обнаруживаются, был написан обязательно не русским переводчиком, а болгаринном.

Возбуждает в нас некоторое сомнение положение, выдвигаемое Бройером со всей категоричностью, о якобы безусловно южнославянской (а не восточнославянской) принадлежности и происхождении синтаксической конструкции придаточных предложений с союзом «да» и глаголом изъявительного наклонения в качестве сказуемого. Мы имеем возможность указать в рассмотренных в первой работе Бройера памятниках древнерусской литературы отдельные примеры подобного типа, которые ускользнули от внимания немецкого слависта. Так, в тексте «Повести временных лет» (в сказании о смерти Олега от своего коня) можно прочесть: «И повелѣ оседьлати конь: да ть вижю кости его» (по списку Ипатьевской летописи).⁶³ В параллельном тексте Радзивиловского списка находим «... а то вижю кости его».⁶⁴ Последнее предложение в разбираемом контексте несомненно подчинено первому, главному, и по смыслу является косвеннопобудительным. Вводится это предложение редким, но без сомнения собственно русским союзом «да ть» с характерной частицей «-ть», параллельно с этим употреблен в качестве подчинительного союза союз «а», осложненный частицей «то». Сказуемым же в этом придаточном предложении выступает глагол «вижю» изъявительного наклонения. Так ли уж очевидно его старославянское, а не русское происхождение? Не следует ли с большей осмотрительностью подходить к восточнославянскому синтаксическому материалу?

Далее, если даже и признать синтаксические модели с союзом «да» и изъявительным наклонением глагола в качестве сказуемого старославянскими, а не восточнославянскими по происхождению, то и тогда следует признать, что эти конструкции очень рано вошли в древнерусский литературно-письменный язык и достаточно свободно употреблялись во всех его жанрово-стилистических разновидностях, включая деловое письмо. Это может быть подтверждено примерами, взятыми из недавно найденных новгородских грамот на бересте. Так, в грамоте № 5 мы можем прочитать: «... молви дворянину Павлу, петрову брату, дать грамотѣ не дасть на него».⁶⁵ Это значит: скажи дворянину Павлу, Петрову брату, чтобы тот не давал на него (нашего сироту) дерноватую грамоту.⁶⁶ Пример близкой синтаксической структуры обнаруживается и в тексте грамоты № 361, найденной в 1959 г. и доступной пока только по ее предварительной публикации в статье А. В. Арциховского. В этой грамоте крестьяне или, может быть, приказчик сообщают феодалу о постигшем его земельные владения неурожая и предлагают ему: «поеди, г[осподи]не, по свою верешь, дать, г[осподи]не, не гнее».⁶⁷ Мы понимаем смысл этого письма так: приезжай, господин, за своим зерном, чтобы оно не гнило.⁶⁸

⁶³ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 29.

⁶⁴ Повесть временных лет, т. 1, стр. 30.

⁶⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.—Л., 1953, стр. 32—34.

⁶⁶ См. обоснование нашего перевода и толкования данной грамоты в статье «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка» (Вестник ЛГУ, 1958, № 2, стр. 95—96).

⁶⁷ А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты. — Советская археология, 1960, № 1, стр. 239.

⁶⁸ А. В. Арциховский в указанном месте толкует смысл этой грамоты иначе. С филологической стороны его понимание должно быть отвергнуто.

Эти примеры с убедительностью показывают, что древнерусские книжники и писцы свободно владели славяно-русским письменным языком как своим достоянием и были, разумеется, в состоянии употреблять самые разнообразные синтаксические конструкции, в том числе и те, которые первоначально возникли в старославянской письменности, во всех жанрах своего творчества.

Структура придаточных предложений цели и дополнительных придаточных с оттенком цели действия, вводимых союзом «да» и имеющих в своем составе сказуемое, выраженное изъявительным наклонением глагола в форме будущего простого совершенного вида, прочно внедрилась в русский литературный язык последующих периодов. Они могли употребляться, правда, с некоторым налетом книжности и архаизации, вплоть до конца XVIII и начала XIX в. В своей статье мы уже ссылались на стихотворные примеры из творчества Г. Р. Державина и М. Ю. Лермонтова.⁶⁹

В дополнение к приведенному позволим себе процитировать следующие места из произведений А. С. Пушкина:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой . . .
Да не вредят полям опасный клад дождей
И ветра позднего осенние набег.

(„Домовому“)⁷⁰

Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(„Борис Годунов“)⁷¹

Сравни подобные же структуры придаточных предложений цели:

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

(„Подражание Корану“)⁷²

Даже в письмах Пушкина можем найти такие архаические конструкции, правда с явно ироническим оттенком: «... ты помнишь П[ушкина] . . . отрезвившего тебя в страстную пятницу и приведшего тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову».⁷³

Наиболее же сильным доводом против предположения Бройера о том, что «История Иудейской войны» Иосифа Флавия была будто бы переведена не одним переводчиком, а целой комиссией, в составе которой находились как болгарские книжники, так и уроженцы Киевской Руси, мы должны считать единство перевода в стилистическом отношении. Это единство проявляется в последовательном употреблении на всем протяжении текста одних и тех же редких слов, одинаковых фразеологических сочетаний, однотипных синтаксических построений. Примеры, выше про-

⁶⁹ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 100.

⁷⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, т. 1. М., 1949, стр. 284.

⁷¹ Там же, т. III, стр. 332.

⁷² Там же, т. I, стр. 418.

⁷³ Словарь языка Пушкина, т. 1. М., 1956, стр. 572.

цитированные нами, могут служить, как кажется, достаточным тому доказательством.⁷⁴

Таким образом, изучение синтаксических конструкций в языке переводного памятника, представляющее несомненный интерес и необходимое само по себе, в данном случае не достигает цели. Наблюдения над синтаксисом перевода явно не помогают разрешить вопрос о языковой и национальной принадлежности переводчиков, если эти последние принадлежали к носителям одного из славянских языков древнего периода.

Главным и основным критерием для возможного определения, является ли перевод южнославяноким или собственно древнерусским по своему происхождению, продолжает оставаться характерная лексика. Это — самый устойчивый компонент древнего текста, подвергавшегося неоднократным перепискам, переделкам и подновлениям со стороны языка. Поэтому методика, применявшаяся в свое время А. И. Соболевским и В. М. Истриным, хотя и нуждается в осмотнительном к ней подходе и требует в каждом конкретном случае более углубленного изучения лексики памятника, все же продолжает оправдывать себя и в наши дни.

4

Пристальное изучение языка переводных произведений позволяет поставить еще один весьма существенный вопрос, который перед исследователями прошлого не вставал, поскольку предполагался решенным заранее. Доверяя буквально свидетельству «Повести временных лет», А. И. Соболевский подобно другим ученым, занимавшимся переводной письменностью, считал само собой разумеющимся, что переводы могли производиться исключительно с греческого языка. В отдельных случаях мог возникать вопрос и об использовании переводчиками латинских оригиналов, однако в большинстве дело касалось не собственно русских, а западнославянских или сербских памятников. Наиболее четко этот взгляд был сформулирован В. М. Истриным, который в 1922 г. писал так: «Переводные произведения были главнейшим образом происхождения греческого и лишь в очень незначительном числе латинского. В XV веке присоединяются некоторые переводы с еврейского языка, совершенные в Западной Руси».⁷⁵ Это общераспространенное мнение составилось без обстоятельного исследования и нередко ставило в тупик ученых, встречавшихся с явными следами памятников несомненно еврейского происхождения в литературе киевской эпохи.

Уже давно Н. С. Тихонравовым и И. Я. Порфирьевым обнаруживались следы еврейских источников при изучении таких ветхозаветных апокрифов и сказаний «Толковой Палеи», как «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Суды Соломона», «Житие и исход Моисея», «Сказание о царе Адарiane» и др. В трудах М. И. Сухомянинова, И. Я. Франко и других неоднократно указывались средневековые еврейские параллели из Талмуда и Мидраша к отдельным летописным сказаниям или к «Притче о хромце и слепце».⁷⁶ Еще более прямо ставился вопрос о еврейских

⁷⁴ См. об этом подробнее: Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 32—33.

⁷⁵ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922, стр. 6.

⁷⁶ М. И. Сухомянинов. Два семитических сказания, встречающиеся в памятниках русской литературы. — В кн.: Исследования по древней русской литературе акад. М. И. Сухомянинова. СОРЯС, т. XXXV, № 1, 1908, стр. 675—677; Франко. Притча про сліпця і хромця. — Статті по славяноведенню, вып. 2. Под ред. акад.

источниках некоторых древнерусских памятников Г. М. Барацем,⁷⁷ хотя в его работах, обладающих подчас недостаточной доказательностью, немало натянутых сближений.

Однако в громадном большинстве случаев филологами, придерживавшимися компаративистских взглядов и методов, аксиоматически предполагалось утраченное впоследствии византийское посредствующее звено, связывавшее будто бы еврейские и древнерусские памятники. В частности, эта тенденция проявилась в исследовании А. Н. Веселовского легенды «О Соломоне и Китоврасе». Поскольку в русских списках этого сказания встречаются несомненно еврейские слова, оставленные без перевода (например, «шамир» — алмаз, «ног» — птица-гриф), высказывалось предположение, что эти слова были якобы внесены в текст лишь позднее, в XV в., в «эпоху жидовствующих».⁷⁸

Для более точного и объективного исследования вопроса о возможности появления переводов с еврейского в русской письменности киевского периода оказалось необходимым подробно изучить хотя бы один памятник, текст которого вполне достоверен в его еврейском оригинале и о котором известно, что он представлен в русском переводе древнейшего периода. Именно таким оказался текст библейской ветхозаветной книги Есфирь, имеющий резкие и заметные отличия между его еврейским, масоретским подлинником и греческим переводом Септуагинты. Кроме того, из всех памятников переводной письменности, относительно которых можно было подозревать их происхождение от еврейского оригинала, это памятник наиболее хорошо изученный, по поводу его накопилась значительная литература. Изучение этого перевода было предпринято автором настоящей статьи еще свыше 20 лет назад.⁷⁹

История изучения этого перевода весьма поучительна с точки зрения поставленной проблемы в целом.

Первым в русской науке обратил внимание на перевод «Есфири» А. Х. Востоков в 1842 г. В своем «Описании рукописей Румянцевского музеума» (рукопись № XXX) он писал: «Замечательно, что книга „Есфирь“ переведена с еврейского и, по-видимому, в России, однако же в весьма древнее время».⁸⁰ Нужно отдать справедливость, что в этих немногих строках Востоковым сказано о происхождении названного памятника вернее и лучше, чем всеми последующими исследователями.

В дальнейшем голоса ученых своеобразно разделились в решении самого кардинального вопроса о происхождении перевода. Одни, как

В. И. Ламанского. СПб., 1906, стр. 129—155. См. также: И. П. Еремьин, Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 340—348.

⁷⁷ Г. М. Барац. 1) О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях Начальной русской летописи. — Украина. Науковий та літературно-публіцистичний щомісячний журнал, 1907, март, стр. 362—382; апріль, стр. 41—60; июнь, стр. 314—346; 2) Происхождение летописного сказания о начале Руси. Киев, 1913, 68 стр.; 3) О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских, т. II. Берлин, 1924, 264 стр.

⁷⁸ А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 210, 213, 221.

⁷⁹ Результатом исследования явилась кандидатская диссертация, защищенная на заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР 25 октября 1946 г., и статья «К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода» (Ученые записки Карело-Финского пединститута, т. II. Петрозаводск, 1956, вып. 2, стр. 198—219).

⁸⁰ А. Х. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 25.

А. В. Горский и К. И. Невоструев,⁸¹ И. Рождественский,⁸² И. Е. Евсеев,⁸³ отстаивали, что перевод сделан с еврейского оригинала, но зато они признавали перевод относительно поздним, относя его к XV в. и считая не книжный характер языка приметой раннего его появления.

Другие ученые, как И. И. Срезневский⁸⁴ и особенно А. И. Соболевский,⁸⁵ доказывали древнее происхождение памятника, относя его к эпохе до татаро-монгольского завоевания, но зато отрицали возможность перевода с еврейского и полагали, что перевод был сделан с греческого языка.⁸⁶ В последние предреволюционные годы Н. Н. Дурново высказался в пользу древности перевода «Есфири» и его происхождения от еврейского подлинника.⁸⁷

В советский период названным памятником, кроме автора этой работы, никто не занимался. Перед нами встала дилемма: либо вместе с Горским, Рождественским и Евсеевым принимать положение о переводе книги «Есфирь» с еврейского языка и признавать перевод не древним, либо вместе с Соболевским отстаивать древность перевода и считать его переведенным не с еврейского, а с какого-то греческого оригинала, следов которого нигде, никогда и никто не мог обнаружить.

Для решения этой проблемы мы прежде всего обратились к изучению рукописной традиции перевода, в результате оказалось, что древнерусский текст имеется в двух списках, относимых к XIV в., в одном из которых читается хронологическая запись, позволяющая установить, что перевод в составе списка других ветхозаветных книг бесспорно существовал уже в 1192 г. во Владимире, при князе Всеволоде Юрьевиче.⁸⁸ Таким образом, древность перевода и его отнесение к киевскому периоду доказывались с полной несомненностью.⁸⁹

С другой стороны, подробное сличение текста перевода «Есфири» с еврейским масоретским оригиналом и пристальное изучение языка перевода не оставили сомнения в том, что оригиналом этого памятника мог быть только еврейский *textus receptus*.⁹⁰

Таким образом, с логической необходимостью следовал вывод, что в Киевской Руси бесспорно существовали переводчики, владевшие еврейским языком и бывшие в состоянии с выдающимся мастерством выполнить перевод книги «Есфирь». Народный характер языка в переводе, который бросался в глаза исследователям прошлого в качестве доказательства относительно позднего его происхождения, наоборот, послужил для нас приметой, позволявшей со всей смелостью отнести перевод к той эпохе древнерусского литературно-письменного языка, когда еще не ощущалось

⁸¹ А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание рукописей Синодальной библиотеки, т. 1. М., 1855, стр. 53 и сл.

⁸² Иван Рождественский. Книга Есфирь. СПб., 1885, стр. 193—216.

⁸³ И. Е. Евсеев. О книге Есфирь. — ИОРЯС, т. VIII, 1898, стр. 339—344.

⁸⁴ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882, стр. 89.

⁸⁵ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси. М., 1903, стр. 433—436.

⁸⁶ Кроме названной выше работы, см. также реферат А. И. Соболевского, пересказ которого читается в «Археологических известиях и заметках» (1897, № 5—6, стр. 204).

⁸⁷ Н. Н. Дурново. 1) Рецензия на книгу А. Д. Григорьева о «Повести об Акире». — ИОРЯС, т. XX, кн. 4, 1915, стр. 294—297; 2) Введение в историю русского языка, ч. 1. Источники. Брно, 1927, стр. 82.

⁸⁸ См. запись на 137-й рукописи бывш. Троице-Сергиевского монастыря, № 2 (2027), ныне хранящейся в ГБЛ.

⁸⁹ Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности, стр. 206—207.

⁹⁰ Там же, стр. 207—211.

второе южнославянское влияние, к так называемой старшей поре его развития.

Расширив круг филологического изучения памятников древнерусской переводной письменности киевского периода, мы установили, что перевод книги «Есфирь» не был единственным в своем роде. Общие черты стиля, общие приемы передачи языкового оригинала роднили это произведение с другими, приблизительно современными ему. Прежде всего в поле зрения автора настоящей работы попал перевод книги «Иосиппон». Это средневековая еврейская хронография, в которой излагается ход событий мировой истории от всемирного потопы до разорения Иерусалима Титом в 70 г. н. э. с точки зрения судьбы еврейского народа. Будучи составлено из различных источников, главное место среди которых занимает «История» Иосифа Флавия, это относительно позднее средневековое еврейское произведение изобилует сказочными и фантастическими подробностями, составляющими характерную стилистическую приметку данного произведения. На русской почве достаточно распространенные куски книги «Иосиппон» были обнаружены в таких всемирно-исторических сводах, как Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции, как книга «Плены Иерусалима» и др., наконец, довольно значительный отрывок из этого произведения, повествующий о посещении Иерусалима Александром Македонским, был открыт нами в одной из редакций «Повести временных лет» под 1110 г. в Ипатьевской летописи и одновременно в летописце Переяслава Суздальского.

Наличие последнего отрывка, сличение которого с еврейским оригиналом показало бесспорную тождественность обоих текстов, имеет особо важное значение, так как благодаря приуроченности к летописной записи строго определенного года удается установить *terminus ante quem* — время, не позднее которого могли быть осуществлены подобные переводы с еврейского языка в Киевской Руси.

Кроме книги «Иосиппон», переведенными с еврейского по ряду языковых признаков оказались и некоторые ветхозаветные апокрифы, связь славянских версий которых с еврейскими талмудическими источниками уже давно подозревалась учеными. Среди этих апокрифов мы отметили «Житие и исход Моисея», «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Сказание о Соломоне и царице Савской» и ряд других.

Положения, при помощи которых доказывались наши выводы относительно перевода «Есфири», оказались достаточно убедительными. Было признано установленным, что Древняя Русь киевского периода имела в составе своей книжности переводы, сделанные с еврейского языка. С этими положениями выразили свое согласие докладчики на IV Международном съезде славистов в 1958 г. — В. В. Виноградов⁹¹ и Н. К. Гудзий.⁹²

Однако когда, исследуя литературное окружение перевода «Есфири», мы вывели заключение об относительно широком круге переводных памятников древнерусской литературы, приблизительно современных ему, то этот тезис встретил настойчивые возражения. Н. К. Гудзий указал, что мы чрезмерно увеличиваем число древнерусских памятников, переведенных с еврейского языка. Он выразил недоверие к возможности того, что русскими переводчиками, например, могла быть переведена книга «Иосиппон». Наконец, Н. К. Гудзий счел невозможным, чтобы представители одной и той же переводческой школы могли переводить с совер-

⁹¹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 18.

⁹² Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 40.

шенно различных языков такие произведения, как «История Иудейской войны» и «Иосиппон».⁹³

Поэтому мы позволим себе в настоящей работе кратко изложить те приемы исследования, которые убеждают в том, что данный памятник переведен с какого-либо определенного еврейского, греческого, латинского и любого другого иноязычного оригинала.

Прежде всего следует принять во внимание соображение общего характера. Ведь значительно легче объяснить возможность существования переводов с еврейского языка в киевский период развития русской книжности в том случае, если признать, что такие явления не были чем-то совершенно исключительным, как это полагает Н. К. Гудзий, называя перевод книги «Есфирь» единственно бесспорным. Наоборот, наличие литературного окружения этого перевода подобными же по содержанию и стилю памятниками делает это предположение более вероятным. Если мы обнаруживаем в целой группе переводных памятников одни и те же характерные черты стиля, одинаковые приемы передачи содержания переводимого подлинника, наконец, подобные же следы воздействия на перевод со стороны языковой основы оригинала, то не окажется слишком рискованным сделать вывод, что все эти переводные произведения возникли в одну и ту же эпоху и в одной и той же литературной среде.

В данном случае необходимо исходить из комплексного текстологического и лингвистического изучения памятника.

Поскольку при исследовании текста переводного памятника обнаружится, что его первоисточник представлен несколькими версиями на различных языках, имеющими заметные отличия в своем составе и содержании, постольку естественным будет вывод, что перевод имеет в основе ту языковую версию данного сюжета, с которой в переводе обнаруживается наибольшее количество текстуальных совпадений. Именно так обстояло дело с переводом «Есфири», оригинал которого существует в весьма отличающихся друг от друга редакциях еврейской, масоретской и греческой, представленной текстом Септуагинты. Аналогичным образом происходил, по-видимому, и перевод книги «Иосиппон», специфические черты еврейского оригинала этой средневековой хронографической компиляции очень трудно представить себе буквально повторенными в каком-то другом, нееврейском произведении.

Текстологическое изучение должно идти нога в ногу с филологическим изучением перевода, подкрепляя его и придавая ему дополнительное обоснование.

Какие же именно общие характерные черты языка мы имеем право считать доказательством того, что памятник был переведен непременно с еврейского оригинала? Здесь необходимо опираться на целый комплекс признаков.

Во-первых, это приемы транслитерации собственных имен. Между греческо-славянской традицией их передачи и традицией еврейско-масоретской и талмудической существует заметное различие. Так, если в переводе книги «Есфирь» имя персидской царицы передано как Васти(я), то в этом мы видим несомненное соответствие с масоретским 'לש' (Вашти), а не с греческим 'Αστίη', что в поздних церковнославянских изданиях Библии отражается, как Астинь. Если в книге «Иосиппон» имя вождя иудейских зилотов передается как Аханань, то это снова совпадает с еврейской формой имени יוחנן (Иоханнан), а не с традиционной греческо-славян-

⁹³ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 119—120.

ской формой, засвидетельствованной как новозаветными текстами, так и греческим текстом «Истории» Иосифа Флавия. Если в апокрифе «Откровение Авраама» имя отца героя дано в виде Тера, как оно читается в списках XIV в., а не Фара, как в традиции греческого перевода книги Бытия, в евангелиях и во всей византийско-славянской письменности, то и в этом находим полное совпадение с еврейским масоретским оригиналом, где это имя имеет вид: תֵּרָה (Тера). Привычное греческо-славянское имя Филипп в одном из кусков текста «Иосиппона» выступает в совершенно необычном облике — Полифос. Это может быть объяснено только буквальная транслитерация имени в еврейском оригинале назван-

ной книги פִּלִּיפּוֹס. Там же вместо традиционного названия Македония находим вызывающее с первого взгляда недоумение Мокдонъ, что опять-таки соответствует еврейскому написанию и произношению названия данной страны: מִקְדוֹן. Все это получает свое удовлетворительное объяснение лишь при условии, что мы признаем тексты, в которых обнаруживаем подобные написания собственных имен, переведенными с еврейских оригиналов.

Во-вторых, это наличие в текстах отдельных еврейских слов, оставленных без перевода. Так, в той части книги «Иосиппон», которая вошла в Еллинский и Римский летописец 2-й редакции под заглавием «О взятии Иерусалима, третье Титово», вместо хорошо известной греческо-славянской традиции по евангельским текстам горы Елеонской (Масличной) мы обнаруживаем название «гора Зефиимъ» (Зеифим). Такая форма полностью отвечает древнееврейскому названию этой местности от существительного זֵי (зет), что означает «маслина». В тексте апокрифического «Сказания о Соломоне и царице Савской» имя этой героини читается в форме «Малкатышва». Это абсолютно точная передача еврейского сочетания מַלְכַּת-שֶׁבַח. Выше было сказано о еврейских словах «шамир» (алмаз) и «ног» (название гигантской сказочной птицы), на которые обращали внимание многие исследователи ветхозаветных апокрифов. Естественно видеть во всех подобных примерах также непосредственное отражение еврейских оригиналов, с которых делался перевод.

В-третьих, это своеобразные семитизмы в синтаксическом строе переводов. С синтаксическими семитизмами дело обстоит весьма сложно. Многие своеобразные синтаксические модели, свойственные семитским языкам, проникли уже в греческий язык эллинистической, римской и особенно византийской эпохи. Источником этого была разговорная речь многочисленного семитоязычного населения восточных эллинистических государств и Римской империи еще в период около начала нашей эры. Четче и ярче всего подобные фразеологические и синтаксические семитизмы проявились в греческом переводе ветхозаветных еврейских книг, который был выполнен, по всей видимости, в Египте на рубеже III и II столетий до н. э. Отсюда данные языковые явления получили широкую известность под названием «библейзмы». Столь же обильно эти языковые конструкции представлены и в тексте новозаветных книг и других раннехристианских произведений. Впоследствии они прочно вошли и в письменный, и в разговорный греческий язык византийской эпохи.

Еще в первые десятилетия нашего века зарубежными учеными, библеистами и папирологами, было неопровержимо доказано, что семитизмы-библейзмы подобного рода проникли в разговорную речь Римского Востока значительно раньше византийского периода и прослеживаются в языке папирусов II—I вв. до н. э.

Среди подобных семитизмов мы встречаемся с фразеологическими оборотами, где слова «душа», «лицо», «рука» и другие употребляются в значении служебных слов. Сюда же относим оборот «есть хлеб» в значении «принимать пищу». Семитизмы другого рода — это собственно синтаксические модели, распространенные в древнееврейском, арамейском, сирийском и других семитских языках, оказывавших воздействие на греческий язык эллинистического и римского времени. Так, например, оборот типа $\tilde{\eta}\nu\ \delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\omega\nu$ — «бѣ оуча» (буквально «был учащим», т. е. «учил»). В таком обороте справедливо видят сколок с арамейско-сирийского сочетания действительного причастия с перфектом вспомогательного глагола כָּיָא (быть). Из такого сочетания создается выражение для обозначения длительности или повторяемости действия в прошлом.⁹⁴

К библеизмам относят также инверсированный порядок слов в простых предложениях с глаголом-сказуемым впереди подлежащего, например: «В начале сотвори бог небо и землю». Особенно же явственно сказывается воздействие семитического синтаксиса на язык позднегреческих произведений в использовании соединительного союза $\omega\omega\upsilon$ («и») в роли подчинительного с целевым значением. Это отражение семитического союза «вав консекутивум», например: «измыите сА, и чисти боудете»; «тльцѣте, и отврзеть сА, просите, и дано боудеть вамъ» и т. п.

Одна из новейших работ, посвященных семитизмам в старославянских переводах библейских книг, принадлежит перу украинского исследователя древней славянской письменности Ивана Огиенко, писавшего в последние годы под именем митрополита Илариона.⁹⁵ Как показывает его исследование, налет семитизмов как того, так и другого типа весьма заметен в языке всех старославянских переводов. Впрочем, их наличие не может свидетельствовать о каком-то негреческом архетипе переводов, ведь, как сказано выше, такие библеизмы были глубоко укоренившимися в греческом языке того времени, когда производились древнейшие переводы церковных книг первоучителями славянства.⁹⁶

Иногда, правда, несколько большее количество семитизмов-библеизмов, обнаруживаемых в славянских переводах евангелия по сравнению с их греческими оригиналами, заставляло отдельных ученых предполагать, что Константин-философ, первоучитель славян, который в совершенстве владел древнееврейским и сирийским языками, трудясь над своими переводами, мог пользоваться, кроме греческого текста новозаветных книг, еще и сирийским их текстом.⁹⁷

Значительно более существенны с точки зрения определения того, с какого именно языка могли быть переведены те или иные древнерусские переводные произведения, такие черты синтаксиса семитических оригиналов, которые в общем виде не были восприняты греческим языком и противоречат строю как греческого, так и славянских языков. Это в большинстве случаев совершенно необычные словосочетания с глагольным предложным управлением или взамен беспредложного управления, свойственного в подобных оборотах славянским языкам, или своеобразное значение и употребление предлогов, характерное для семитического синтаксиса.

⁹⁴ Carl Brockelman. Syrische Grammatik. 8-e Auflage. Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1960, стр. 114.

⁹⁵ M. Hilarion. Die Hebraismen in der altslavischen biblischen Sprache. — Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels. München, 1953, стр. 18 и сл.

⁹⁶ Henrik Birnbaum. Zur Aussonderung der syntaxischen Gräzismen im Altirkchenslavischen. — Scandoslavica, т. IV. Kopenhagen, 1958, стр. 239—257.

⁹⁷ R. Jacobson. Saint Constantin et la langue syriaque. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. New York, 1939—1944, стр. 181.

Сюда относим употребление предлога «къ» в значении еврейского ל , как показателя датива, предлога «въ» в соответствии с еврейским ב , как показатель орудия действия, предлога «на» или «над» в значении еврейского על по отношению к объекту, испытывающему на себе действие со стороны другого предмета, и т. п.

Подобные своеобразные обороты были обнаружены нами вслед за А. В. Горским и И. Е. Евсеевым в древнерусском переводе книги «Есфирь». Так, например: «Не ц(еса)рю единому съкривила ц(еса)рица Васти, аще не на вся бояры и на вся языки» (гл. I, стр. 16); «Еже осуди на ню» (гл. II, стр. 2); «И отвеца Есфирь къ Мардохаеви» (гл. IV, ст. 2); «Иже повергль бяше руде свои въ иудея» (гл. VIII, стр. 7) и многие другие.⁹⁸ В дальнейшем точно такие же обороты обнаружались и в отрывках из «Иосиппона», например: «Место к немилостивым и пещера к недобрым»; «И в храбрых земли задросте»; «И даша римляни души свои к смерти» и др.⁹⁹ Сравни с этим обороты из совершенно еще не изученного текста апокрифа «Исход Моисеев»: «И тако протолкова рабъ твои к тобѣ»; «И уподобися к единому велмож»; «И уподобися в обличьи столника его»; «И одолѣ на войнах своих»; «И ужесточи работу на люди своя и на домъ Иаковль» и многие другие.¹⁰⁰ Наконец, обороты такого же типа были нами найдены и в краткой редакции славянской книги Еноха «От потаенных книгъ о въсхищении Еноховѣ праведнаго» по списку БАН, 43.13.4. Там мы читаем: «Нѣсте служаще в лице господне»; «И възведе гласъ ихъ в лице господне»; «Мефусаломъ ста на главѣ олгаря и на главѣ всих людей от дни того»; «И сотвори ему елико глаголано к тобѣ» и многие другие.¹⁰¹

Эти необычные для славянских языков синтаксические и фразеологические конструкции, буквально повторяющие отдельные черты предложного управления, свойственного еврейскому и арамейскому языкам, в совокупности с другими чертами могут доказывать с достаточной долей вероятности, что данный памятник переведен с одного из семитических языков.

Кроме вопроса о переводах с еврейского, в нашей филологической науке поднимался вопрос и о возможности перевода с сирийского оригинала «Повести об Акире Премудром». Это произведение дошло до нас в многочисленных списках XV—XIX вв., восходящих в конечном счете к протографам домонгольской эпохи. Довольно многочисленные списки южнославянского происхождения несомненно восходят к русским оригиналам; последние послужили истоком и для древней румынской версии этого произведения. Самый древний извод широко распространенного в мировой литературе сюжета «Повести об Ахикаре» засвидетельствован арамейскими папирусами из еврейской колонии на египетском острове Элефантина, относящимися к V—IV вв. до н. э. Сама же повесть, по-видимому, могла возникнуть в последние десятилетия существования самостоятельной древнеассирийской державы еще в VII в. до н. э. В наши дни сохранились многочисленные восточные изводы этой повести: сирийский, арабский, армянский. Обнаруживаются следы того же сюжета в древнегрече-

⁹⁸ Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности... стр. 209—210.

⁹⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 57—65.

¹⁰⁰ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 97.

¹⁰¹ См. наш доклад «К вопросу об источниках славянской книги Еноха», который печатается в сборнике статей в честь члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, издаваемом Институтом народов Азии.

ской классической литературе, отразившиеся в конце концов в сказаниях об Эзопе. Однако списков собственно греческой версии «Повести об Ахикаре» ни в классической, ни в византийской литературе не обнаружено.

Древнерусский текст «Повести об Акире Премудром» более всех приближается к сирийской версии. Мог ли быть сделан в Киевской Руси перевод с сирийского оригинала? Этот вопрос задавал в свое время А. Д. Григорьев и пытался ответить на него положительно.¹⁰² Н. Н. Дурново, вслед за Григорьевым разрабатывавший эту проблему, счел доводы своего предшественника недостаточно доказательными,¹⁰³ однако он не смог и опровергнуть данного предположения, оставив вопрос открытым.¹⁰⁴ В. М. Истрин высказался в пользу перевода повести с греческого.¹⁰⁵ П. К. Коковцов в своем отзыве на работу Н. Н. Дурново колебался между признанием греческого и сирийского подлинника с перевесом в пользу сирийского.¹⁰⁶

Несколько лет назад мы приводили соображения в пользу наибольшей вероятности признания оригиналом русской версии «Акира» именно сирийской повести.¹⁰⁷ В настоящее время мы можем полностью подтвердить высказанное тогда предположение. Действительно, не только вся транслитерация собственных имен в повести стоит ближе других именно к сирийскому оригиналу, но и некоторые отклонения от него тоже могли возникнуть, по-видимому, именно на сирийской почве, например, замена буквы «н» буквой «л» в титуле Синагрипа (Санхериба), «цесаря Адорского и Наливского». В сирийском оригинале он назван царем «Атора (Ассура) и Нинве». Вместо второй буквы «н» в названии города Ниневии древнерусский переводчик мог прочесть букву «л» (лямед) потому, что в сирийском уставном письме «эстрангело» отличается от буквы «нун» только большей длиной наклонной влево черты.¹⁰⁸ Что же касается отдельных немногочисленных грецизмов, которые отмечались в языке древнерусского перевода повести, то они могли быть присущи самому русскому литературно-письменному языку киевской эпохи и потому проникнуть и в текст «Акира».¹⁰⁹ Впрочем, все эти факты требуют еще дополнительного исследования и уточнения.

Таким образом, мы имеем право значительно расширить тот круг языковых источников, из которых могла черпать свои богатства древняя славяно-русская переводная книжность. И это еще раз подтверждает нашу уверенность в широте культурного кругозора, свойственного передовым людям той отдаленной эпохи.

5

Следующая проблема, которая настоятельно требует тщательных трудов для своего разрешения, — это отношение славяно-русских переводов

¹⁰² А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

¹⁰³ Н. Н. Дурново. Рецензия на книгу А. Д. Григорьева о «Повести об Акире», стр. 294—297.

¹⁰⁴ Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе, ч. 1. К истории повести об Акире. М., 1915.

¹⁰⁵ В. М. Истрин. Рецензия: Новые исследования в области славяно-русской литературы. 1. А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром... — ЖМНП, 1914, июнь, стр. 333—369.

¹⁰⁶ См.: Р. Р. Орбели. Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство, — Очерки по истории русского востоковедения, т. II. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 359. Отзыв хранится в Архиве АН СССР (ф. 779, оп. 1, № 125).

¹⁰⁷ ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 58.

¹⁰⁸ Carl Brockelmann. Syrische Grammatik, стр. 5.

¹⁰⁹ См.: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVIII веков. Л., 1934, стр. 61.

к их оригиналам. Этой проблеме был посвящен наш доклад на IV Международном съезде славистов в Москве в сентябре 1958 г.¹¹⁰

В названном докладе приводились примеры из нашей исследовательской практики, когда на основании славянского перевода удавалось уточнить чтение переводимого оригинала. Примеры брались из древнерусского перевода «Рыдания» Иоанна Евгеника. Греческий текст этого произведения, известный по рукописи Иверского монастыря, содержал ряд неточностей, исправление которых согласно древнерусскому переводу, совпало с чтением Парижской рукописи, изданной в Афинах Сп. Ламбросом.¹¹¹

Отклонения от изданного текста книги «Иосиппон», обнаруженные нами в отрывке из этой книги, включенном в «Повесть временных лет», подтвердились при подготовке критического издания еврейского оригинала, осуществленного израильским историком Д. Г. Флюссером, который писал нам по этому поводу в частном письме: «Русский перевод приведенного отрывка полностью сошелся с восстановленной мною по рукописи оригинальной редакцией Иосиппона и отличается от напечатанного более позднего оригинала».¹¹²

На материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия нами было показано, как славянский текст иногда может дать в руки текстолога и критика основания для признания правильной или неправильной той или иной конъектуры, априорно выдвигавшейся исследователями. В книге VI (гл. II, ч. 1) названного произведения Иосиф Флавий рассказывает о причинах того, почему во время римской осады были прекращены ежедневные жертвоприношения в Иерусалимском храме. Согласно всем известным спискам греческого текста, в данном месте стояло сочетание ἀνδρῶν ἀπορία — «из-за отсутствия (или из-за растерянности) мужей». Естественно, что такое странное объяснение этой причины заставляло исследователей искать возможности исправить текст при помощи конъектуры.

В свое время А. Шлаттер предложил читать в данном месте взамен ἀνδρῶν ἀπορία — «недостатка мужей» ἀρῶν ἀπορία — «из-за недостатка агнцев».¹¹³ В то время как сирийский перевод данного места неисправен и не способен внести ясность в спорное толкование, древнерусский перевод, по всей видимости, подтверждает предлагавшуюся конъектуру. Там мы читаем: «(Тит) Иосифа пристави глаголати къ Иоаннови, яже и преже. И бысть ему възвъщено, яко жрътва божия оскудѣ, зане не бѣ приношения никакого же, и оталкаматы ищезе, и народ рыдаеть того ради».¹¹⁴

Мы видим, что в качестве объяснения того, почему прекратилось приношение ежедневного всесожжения («оталкаматы», т. е. «олокавтоматы» — ὀλοκαυτώματα), в древнерусском переводе указывается на отсутствие жертвенных животных (зане не бѣ приношения никакого же), т. е. «недостаток агнцев», а не «недостаток мужей», как читается во всех грече-

¹¹⁰ Н. А. Мещерский. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов (На материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия). Изд. АН СССР, М., 1958; см. также: Исследование по славянскому литературоведению и фольклористике. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 61—94; резюме доклада, прения по нему и заключительное слово см.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 105—106, 118—122, 136—137.

¹¹¹ Иван Дуйчев. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника. — Византийский временник, т. XII, М., 1957, стр. 199—202.

¹¹² Н. А. Мещерский. Значение древнеславянских переводов..., стр. 8.

¹¹³ A. Schlatter. Der Bericht über das Ende Jerusalems. — Beiträge zur Förderung d. Christl. Theologie. Gütersloh, 1923, V, 28, стр. 7.

¹¹⁴ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 404.

ских рукописях. Хотя древнерусский переводчик в данном случае не рабски и не буквально воспроизводит читаемый им оригинал, что вообще характерно для его творческой манеры, однако же остается бесспорным, что он мог прочитать в нем скорее $\alpha\rho\upsilon\omega\nu$, чем $\alpha\lambda\upsilon\delta\rho\omega\nu$, и по смыслу совершенно правильно передал именно это объяснение события. В результате привлекаемое место древнерусского текста позволяет нам с известной долей вероятности признать поправку, выдвигавшуюся А. Шлаттером и поддержанную тогда же Р. Эйслером.¹¹⁵

Как ясно из сказанного, привлечение древних славянских переводов способно во многих случаях помочь текстологическому исследованию произведений античной и средневековой письменности.

В основных разделах доклада древнерусский перевод сопоставлялся с известными списками греческого текста «Истории Иудейской войны». При этом, в противоположность гипотезе А. Берендса и Р. Эйслера, полагавших, что древнерусский перевод восходит к какой-то иной, более ранней авторской редакции текста, я стремился доказать, что за переводом мы не обнаруживаем ничего, кроме общепринятого текста произведения Иосифа Флавия. Отдельные чтения древнерусского перевода совпадают с теми вариантами, которые приводились в критическом издании Бенедиктом Низе по рукописям Ватиканской, Урбинатской и Палатинской, т. е. по так называемым «худшим» изводам. Что же касается известных отступлений, имеющих в тексте славянского перевода, так называемых «дополнений» христорогического и иного характера, то мною было высказано предположение, что эти дополнения могли быть внесены древнерусским переводчиком попутно с предпринятой им стилистической переработкой переводимого оригинала. Что касается тех греческих слов, встречающихся в древнерусском переводе, которым нет соответствия в оригинале, то они, как нам казалось, тоже могли быть внесены в текст переводчиком по своей инициативе и являются свидетельством его литературного вкуса. Переводчик, как образованный человек своей эпохи, мог знать не только книжный греческий язык, совершенное владение которым он показал в своем труде, но и народную разговорную речь жителей Византийской империи, своих современников, откуда он и внес в текст перевода такие слова, как «проелевсис» вместо «триумф», «дука» вместо $\phi\rho\upsilon\beta\rho\alpha\rho\upsilon\sigma$ (начальник гарнизона), «грамота» вместо $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\omicron\lambda\eta$ (послание) и другие.¹¹⁶

В прениях по нашему докладу, а также в рецензиях на опубликованную в том же году монографию высказывались отдельные критические замечания.

Пользуясь настоящим выступлением, приносим всем высказывавшимся устно или печатно по поводу наших работ искреннюю признательность за внимание к ним. Одновременно хотелось бы ответить здесь оппонентам на ряд их критических замечаний.

Так, Н. К. Гудзий выразил несогласие с нашим утверждением, что русский переводчик обнаружил свою инициативу не только в стилистическом отношении, но и в большом количестве дополнений по сравнению с дошедшими до нас греческими текстами «Истории Иудейской войны», в частности в известных дополнениях христорогического содержания. По мнению Н. К. Гудзиева, не может быть никакого сомнения, что последнего

¹¹⁵ R. Eisl er. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., t. I. Heidelberg, 1929, стр. 82, прим. 2.

¹¹⁶ См. подробнее: Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка (по материалам переводных произведений киевского периода). — Византийский временник, т. XIII. М., 1958, стр. 246—261.

рода дополнения сделаны не русским переводчиком, к тому же через тысячу лет после написания Иосифом Флавием своего сочинения, а одним из христианских богословов вскоре после написания «Истории Иудейской войны», притом в таком греческом тексте, который до нас не дошел.¹¹⁷

Болгарский ученый И. Дуйчев, внося ряд ценных примечаний и дополнений в наш доклад, заметил, что у него вызывают сомнения приведенные в докладе грецизмы «второй группы», т. е. встречающиеся в древнерусском тексте «Истории Иудейской войны» на месте иных греческих слов, читаемых в подлиннике. И. Дуйчев предлагает поставить вопрос: не находились ли такие грецизмы еще в том греческом прототипе, который нам неизвестен?¹¹⁸

Японский исследователь Ёсикадзу Накамура в своей рецензии на нашу книгу высказал мнение, что автору не вполне удалось доказать тезис о том, что все загадочные дополнения, существующие в древнерусском переводе «Истории» Иосифа Флавия, были сделаны по инициативе древнерусского переводчика.¹¹⁹

Признавая необходимость более осторожно высказывать предположение о принадлежности переводчику всех дополнений к тексту «Истории Иудейской войны», не могу согласиться с гипотезой, выдвинутой Н. К. Гудзием. Эта гипотеза, допускающая, что уже во II—III вв. существовала подобная версия «Истории Иудейской войны», переработанная раннехристианскими богословами, представляется еще более смелой и трудно доказуемой, чем предположения, высказанные в нашем докладе. Было бы совершенно необъяснимо, почему эта переработка никаким образом не повлияла на византийскую литературу. Почему ни Ориген, ни Евсевий Кесарийский, ни Фотий Константинопольский, ни один из более поздних историков и византийских хронистов, которые хорошо знали произведения Иосифа Флавия, интерполировали их и не упускали случая ими пользоваться для доказательства правоты защищаемых ими идей, почему они не воспользовались столь выигрышными для них доказательствами, если бы таковые, конечно, существовали?!

Другое дело, если бы шла речь о какой-то средневековой византийской переработке, поскольку каждому знающему раннехристианскую и византийскую богословскую письменность известно, что в этих «дополнениях» отразились достаточно поздние догматические представления и подобная же фразеология. Если признать такую возможность, то тогда можно было бы согласиться и с замечаниями И. Дуйчева относительно греческой лексики, причисленной нами ко второй группе. Ведь это слова в большинстве своем народно-греческого происхождения византийской эпохи, отнести их к автентичному тексту первых веков нашей эры не позволяют наши представления об истории греческого литературного языка. Но тогда может быть поставлена под сомнение и стилистическая самостоятельность древнерусского переводчика, против которой еще никто не возражал. Ведь в этой мнимой позднегреческой переделке могли иметь место пропуски и сокращения оригинала, и распространения, которые столь характерны для стилистической манеры древнерусского переводчика. Если признавать второе, то с той же долей вероятности можно признавать и первое, т. е. инициативу переводчика в отношении христологических до-

¹¹⁷ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 120.

¹¹⁸ Там же, стр. 119.

¹¹⁹ С. Кимура и Ё. Накамура. Изучение древнерусской литературы в Японии. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 585; Ё. Накамура. Рецензия на книгу Н. А. Мещерского «История Иудейской войны». — Труды аспирантов университета Хитоубаси, т. VI. Токио, 1960, стр. 75—83 (на японск. языке).

полнений. Необходимо вспомнить при этом, что многие источники, откуда он мог черпать материал для этих «дополнений», несомненно были у него под руками в славянских переводах хроник и византийских произведений патристического содержания. Нельзя упускать из виду и того, что основная идея почти всех христологических и нехристологических дополнений «Истории» — это идея божественного возмездия иудеям за их грехи, в частности за отъержение ими Христа. Это с достаточной настойчивостью подчеркивалось в нашей книге. Идея же о том, что разорение иудейской столицы и изгнание народа с его родины явились актом наказания иудеев за их грех отступничества, была очень хорошо знакома древнерусским писателям: и Илариону, автору «Слова о законе и благодати», и автору «Слова философа» в «Начальной летописи» и автору «Повести о крещении Руси» в той же летописи.¹²⁰

Поэтому не невероятной кажется нам и возможность пригисать инициативе переводчика «Истории» Иосифа Флавия, подходившего к используемому им оригиналу с идеологических позиций своей среды и своего времени, как идейное, так и стилистическое его приспособление к запросам читателей. Наше предположение не исключает, разумеется, допущения, что в рукописи обычного греческого текста, которой он пользовался, могли читаться замечания на полях такого характера, который уполномочивал бы переводчика сделать соответствующие вставки. Подобные записи на полях обнаруживаются ведь в том же Урбино-Ватиканском списке С, который ближе других списков греческого оригинала стоит к древнерусскому переводу в текстологическом отношении, а также в некоторых других греческих рукописях.¹²¹

Что касается положения, выдвигавшегося японским оппонентом, то в той формулировке, в какой оно дано в его обзорной статье, оно не вызывает возражений и с нашей стороны. Безусловно, нет оснований утверждать, что все дополнения или отклонения от общепринятого греческого текста должно считать внесенными только по инициативе древнерусского переводчика. Как мы высказывались и раньше, в ряде конкретных случаев чтение, обнаруживаемое в переводе, может исходить из какого-либо «лучшего» чтения оригинала, принадлежавшего еще самому автору книги, а впоследствии по каким-то причинам утраченного или искаженного в позднейших греческих рукописях. В том, что дело иногда могло обстоять именно таким образом, убеждает нас привлечение новых данных, ставших доступными лишь после обнаружения известных рукописей Мертвого моря в пещерах Хирбет-Кумрана. Как известно, вновь найденные материалы открыли новую страницу в исследовании идеологии и культуры Палестины и иудейского народа в период около начала нашей эры. В частности, данные кумранских находок обязательно должны привлекаться к объяснению тех отклонений от оригинала в древнерусском переводе, которые находятся в рассказе Иосифа Флавия о ессеях. В связи с этой проблемой появилось уже немало специальных исследований.

Когда среди рукописей Мертвого моря был найден свиток «Войны сынов света против сынов тьмы», ученые обратили внимание на то, что в древнерусском переводе книги II «Истории Иудейской войны» (гл. VIII, ч. 6) по изданию В. М. Истрина, которое основывается на Волоколамском списке так называемой «отдельной» редакции этого текста, в соответствующем месте читается: «И воинский чинъ вѣдомо имъ есть от тѣх пи-

¹²⁰ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 108—112.

¹²¹ Там же, стр. 57, 63 и др.

саний».¹²² Эти ученые надеялись видеть в приведенном своеобразном отклонении русского перевода отражение знакомства Иосифа Флавия с произведениями кумранской секты.¹²³

Однако против предположений, высказанных Рубинштейном и Филоненко, вскоре же выступил А. Вайан, который, внимательно изучив текст данного места, счел это чтение испорченным и, привлекая чтение Архивского списка, предложил читать вместо «воинский чин» выражение «в кьи чинъ», т. е. «в которое время».¹²⁴ Тогда весь цитируемый отрывок приобретает следующий вид: «Имже им знаема суть зелиа и корени и камени, что где ражаеть ся и на которую страсть потребует ся и въ кьи чинъ, — ведомо им есть от тѣхъ писаний». Это значит: «Им (ессеям) известны травы, и корни, и камни, где который из них рождается, против какой болезни помогает и в какое время, — известно им из этих писаний». Такая интерпретация древнерусского текста несет в себе значительно меньше отличий от общепринятого греческого, сводя их преимущественно к стилистическим. Подстрочник соответствующего места греческого текста гласит: «Изучают они (ессеи) с особенной тщательностью писания древних, избирая из них преимущественно те, которые служат на пользу телу и душе. По ним разыскивают они корни, необходимые для излечения болезней, и познают свойства камней».

Виленская рукопись, положенная в основу нашего издания перевода «Истории Иудейской войны», в данном месте подтверждает чтение Архивского списка, на которое опирался А. Вайан, подвергая критике текст в издании В. М. Истрина.¹²⁵ Поэтому мы вполне можем согласиться с конъектурой, предложенной этим исследователем. Таким образом, данное разночтение не позволяет нам видеть за древнерусским переводом какое-либо чтение, отличное от общепринятого греческого оригинала.

Однако в ряде других случаев привлечение материалов Кумрана вызывает необходимость более углубленных разысканий.

Так, в части 9-й той же книги и главы читается о той особенной строгости, с которой ессеи, в отличие от остальных иудеев, соблюдают покой седьмого дня недели, субботы, когда они стараются избегать даже малейшего труда. Древнерусский текст следующим образом передает это место: «В седмыи днь, и 7-ую недѣлю, и 7 мѣсяць, и 7 лѣто вельми хранить, ни пища строяще, ни огня кладуще, ни сосуды движюще, ни же прохода дѣюще в субботы».¹²⁶

Сравнение с греческим текстом показывает достаточную близость к нему древнерусского, за исключением лишь одного: в нем нет ни малейшего намека на почитание ессеями седьмой недели, седьмого месяца и седьмого года. На первый взгляд могло бы показаться, что и в данном случае древнерусский перевод не дает ничего нового по сравнению с греческим оригиналом, кроме плеоназма, стилистического распространения греческого слова *ἑβδομάδες* («седмицы»). Однако после того как исследователями был открыт до того не известный древний жреческий солнечный календарь, которого продолжали придерживаться кумранские сектанты в отличие от

¹²² Там же, стр. 254; см. также: V. M. Istrine. La prise de Jérusalem... v. I, стр. 142.

¹²³ M. Philonenko. La notice du Joseph slave sur les Esseniens. — *Semítica*, VI. Paris, 1956, стр. 69—73.

¹²⁴ A. Vaillant. Le Joseph slave et les Esseniens. — *Semítica*, VIII. Paris, 1958, стр. 39—40. См. также рецензию С. Шишмана на нашу книгу «История Иудейской войны» (*Revue de Qumrân*, t. I, f. 2. Paris, 1959).

¹²⁵ Н. А. Меценский. «История Иудейской войны»... стр. 254.

¹²⁶ Там же, стр. 255.

остальных иудеев того времени, это упоминание древнерусского перевода приобрело совершенно особую значительность.¹²⁷

В нем мы имеем возможность усматривать отклик не только на книгу «Юбилеев» и на «Устав» общины Кумрана, где наиболее подробно представлены данные об этом древнем литургическом календаре иудейского жречества, но и на описанные у Филона обычаи египетских терапевтов, и на древние «Постановления апостольские» (VII, 36, 4), где говорится о «неделях, семи неделях, седьмом месяце и седьмом годе», а также на раннехристианский апокриф «Книга Адама и Евы».¹²⁸ Таким образом, можно было бы предположить, что в данном случае за древнерусским переводом стоит такой список греческого текста, в котором остались следы упоминания о седмицах, принадлежащего еще самому автору «Истории Иудейской войны» или по крайней мере современнику той эпохи.

Второе наблюдение касается того же рассказа Иосифа Флавия о ессеях. В том же разделе упомянутой главы содержится указание, что сторонники этого направления чрезвычайно высоко ставят после бога имя своего законодателя, если кто-либо похулит это имя, то того осуждают на смерть. Древнерусский текст данного места следующий: «Чтять же зѣло имя законодателя, да кто похулить, и смъртию осудять и».¹²⁹ Хотя изложение и несколько сжато по сравнению с оригиналом, оно само по себе не представляет ничего нового. До открытия материалов Кумрана обычно полагали, что в этом абзаце идет речь о Моисее. Часто комментаторы и переводчики Иосифа Флавия на современные языки от себя вносили это имя в текст перевода.¹³⁰

Легендарный образ «учителя справедливости», почитавшегося кумранскими общинниками в качестве святого основателя их секты, естественно заставил предположить, что Иосиф Флавий в данном тексте говорит не о Моисее, а именно об этом таинственном лице. Внимательное изучение древнерусского перевода позволяет установить, что имя этого «законодателя» упомянуто в нем еще несколько раз, притом в тех частях текста, которые признаются за вставки, внесенные впоследствии. Во-первых, в XXXIII главе книги I, в рассказе о снятии восставшими иудеями изображения золотого орла, повешенного над входом в храм по приказу Ирода. Речь к народу руководителей восстания, которые призывают своих сторонников на этот славный подвиг, значительно распространена в древнерусском переводе по сравнению с греческим текстом. Внушая своим сторонникам, что «нынѣ время мужествовати», Иуда и Матфий, вожди этого движения, говорят: «Да покажемъ, какво благочестие имѣемъ на закон Моисѣвъ. Да не постыдится род нашъ, да не посрамям законодателя нашего».¹³¹ Приведенное место ясно напрашивается на сопоставление с рассказом II книги.

В третий раз встречается выражение «законодавецъ нашъ» в том месте древнерусского текста, которое получило широкую известность в качестве основного христологического «добавления», во вставке в IX главе книги II, где говорится о Христе. Начинается, как известно, эта вставка словами, которые весьма близки месту из XVIII книги «Древностей Иудейских», обычно признаваемому позднейшей христианской интерполяцией. После этих слов мы читаем в тексте древнерусского перевода: «Ови о немъ гла-

¹²⁷ См.: A. Rubinstein. The Essens according to the slavonic version of Josephus wars. — Vetus Testamentum, v. VI. Leyden, 1956, pp. 307—308.

¹²⁸ Annie Jaubert. La date de la Cène. Paris, 1917, p. 50.

¹²⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 255.

¹³⁰ H. Clementz. Flavius Josephus. Geschichte des Jüdischen Krieges. Übersetzt und mit Anmerkungen versehen. New York, 1900, стр. 210.

¹³¹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 239.

голаху, яко законодавецъ нашъ первый отъ мѣртвыхъ вѣста, и многы исцѣления и хитрости показаше. Ови же мняху, яко отъ бога посланъ естъ».¹³² По поводу этого повествования уместно заметить, что в эсхатологии кумранской общины существовало убеждение в будущем воскресении легендарного основателя их секты, «учителя справедливости».¹³³ Таким образом, напрашивается вывод, что эти слова нельзя признавать простой выдумкой интерполятора, кто бы он ни был: раннехристианский ли богослов, древнерусский ли книжник, переводивший в XI в. «Историю Иудейской войны». Какая именно связь могла бы существовать между произведениями кумранских сектантов и «добавлениями» в древнерусском тексте, мы пока не имеем возможности установить.

Все приведенное еще раз показывает, насколько осмотрительно следует подходить к решению вопроса об отношении древних славянских переводов к их архетипам и как много еще неизведанного сулит исследователям внимательное его изучение.

6

Перейдем к вопросу об изучении мастерства древних славяно-русских переводчиков. Об этом мы уже неоднократно имели случай печатно высказываться за последние годы. Поэтому ограничимся здесь лишь немногими новыми нашими наблюдениями.

Уже давно принято делить все произведения переводной книжности по характеру их языка и по их отношению к переводимому оригиналу на два типа. К первому принадлежат памятники канонического и литургического значения, при переводе которых переводчики стремились возможно точнее передать не только содержание, но и все языковые подробности оригинала.

Известный исследователь старославянской переводной письменности Ф. Пастрнек почти 60 лет назад писал, имея в виду древнейшие переводные памятники этого типа: «Первые славянские переводы библейских текстов свидетельствуют все же о совершенно выдающемся таланте переводчиков. Эти переводы дословны и точны, как это только возможно. Такой подход переводчика оправдан, поскольку он имел дело „со священным писанием“, „со словом Божиим“. Однако при этом проступает настойчивое стремление не допускать насилия над языком. Отсюда вытекает известная формальная самостоятельность, благодаря которой легко отличить древнейшие церковнославянские тексты от позднейших, зачастую показывающих свою рабскую зависимость от подлинника».¹³⁴ Этот восторженный отзыв о таланте первых славянских переводчиков поддерживали, за исключением отдельных скептиков, каким, например, был проф. Н. К. Грунский, многие исследователи старославянского языка как прошлого, так и нашей современности. Действительно, полная дословность перевода, не превращающаяся нигде в механический буквализм, верность в передаче переводимого оригинала, нигде не доходящая до насилия над моделями своего родного языка, — вот те черты, которые могут быть признаны ведущими при характеристике стилистических приемов древнейших славяно-русских

¹³² Там же, стр. 259.

¹³³ См. по этому поводу статью И. Д. Амусина «„Учитель праведности“ кумранской общины» (Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. VII, М.—Л., 1964, стр. 253—277).

¹³⁴ Цитирую по статье Я. Бауэра (Vliv řečtiny a latiny u vyvoji syntaktične slovanskich jazyků. Československe přednasky, стр. 76).

переводчиков, создававших тексты переводных библейских и богослужебных книг.¹³⁵

Относительная языковая самостоятельность переводных памятников первого типа явственнее всего проступает при сравнении их синтаксического строя с синтаксическими конструкциями оригиналов. Эта самостоятельность проступает не только во всех случаях отклонений от оригинала, но и тогда, когда перевод по своим синтаксическим моделям точно воспроизводит структуру подлинника. Наблюдения над текстами древних евангельских переводов, которые были произведены Р. Ружичкой¹³⁶ и частично восполнены нами, позволяют сделать вывод, что синтаксические модели в этих переводах при всей их дословности и текстуальной близости к оригиналам отнюдь не повторяют механически конструкций греческого синтаксиса. Структура предложений и словосочетаний в древнейших славяно-русских переводах ни в какой степени не может быть признана только калькой с переводимого оригинала. Так, например, греческие примененные словосочетания с несогласованным определением, выраженным родительным падежом имени в значении принадлежности и других, всегда передаются при помощи славянских конструкций с согласованным определением, выраженным притяжательными или даже относительными прилагательными. См., например, текст евангелия от Матфея (гл. I, ст. 18): ἡ Ἰησοῦ Χριστοῦ γεννησις — «христово рождество» (Остромирово евангелие, л. 247); евангелие от Иоанна (гл. XX, ст. 19): διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων — «за страх иудѣискъ» (Остромирово евангелие, л. 10 об.).

Прилагательные и местоимения множественного числа среднего рода, взятые в субстантивированном значении, передаются в старославянских текстах всегда формами множественного числа среднего рода в абстрактно-обобщенном значении: «мънога», «ина», «зълая», «благая» и др. Если в греческом при таких подлежащих сказуемое всегда выражается глагольными формами единственного числа, например πάντα ῥεῖ — «всѣ течет», то в старославянских и древнерусских текстах сказуемое, как и в латинском языке, имеет только форму множественного числа. См., например, текст евангелия от Иоанна (гл. I, ст. 3): πάντα διαούτου ἐγένετο — «тѣмъ вса быша» (Остромирово евангелие, л. 1).

Своеобразное неполное совпадение синтаксических моделей между переводом и подлинником наблюдается при передаче греческого родительного определительного дательным того же значения и греческого оборота genitivus absolutus — так называемым «дательным самостоятельным». Наблюдения Р. Ружички очень показательны в указанном отношении. Так, например, в тексте евангелия от Луки (гл. X, ст. 36) при греческом Τίς οὖν τούτων τῶν τριῶν δοκεῖ σοὶ πλεῖστον γεγονέναι τοῦ ἐμπέσαντος εἰς τοὺς ληστὰς в славянском читаем: Къто оубо тѣхъ три искрнии мьнить ти са быти въпадъшомуу въ разбоинныкы» (Остромирово евангелие, л. 103 об.). Здесь дательный падеж субстантивированного причастия «въпадъшомуу» соответствует греческому родительному падежу и зависит от субстантивированного прилагательного «искрнии». Тем самым в этом примере проявляется характерное для всех славянских языков, но особенно ясно проявляющееся в русском просторечии, стремление употреблять зависимое

¹³⁵ Ср. аналогичное положение при переводах на древние германские языки с латинского и отчасти с греческого. См.: И. М. Маковский. Об определении автохтонности синтаксических моделей при анализе «отклонений от оригинала». — Вопросы языковедения, 1961, № 1, стр. 99—105.

¹³⁶ R. Ružička. Griechische Lehnsyntax im Altslawischen. — Zeitschrift für Slavistik, В. III, Hf. 2—4. Berlin, 1958, стр. 173—185.

имя в дательном падеже, если речь идет о степени родства, дружбы или других близких отношений между лицами.¹³⁷

Другой пример, взятый Р. Ружичкой из перевода евангелия от Иоанна (гл. IV, ст. 39), показывает своеобразное смысловое расширение, произведенное переводчиком. В греческом мы находим: πολλοὶ ἐπίστευσαν εἰς αὐτὸν τῶν Σαμαρειτῶν, διὰ τὸν λόγον τῆς γυναίκης μαρτυροῦσης. Этому соответствует славянское: «Мънози вѣроваша вѣ него отъ самарѣнъ за слово женѣ съвѣдѣтельствуѣшши».¹³⁸ В данном предложении замена греческого родительного принадлежности (genitivus possessivus) дательным падежом существительного «жена» с действительным причастием в том же падеже создает грамматическую многоплановость перевода. Названный оборот совпадает по своей структуре с «дательным самостоятельным». Поэтому всему данному сочетанию свойственно дополнительное временное и даже причинное значение: самаряне поверили слову женщины, в то время и вместе с тем потому, что она им свидетельствовала.

Наконец, если проследить борьбу между двумя типами отрицания в славянских переводах: оборота с одиночным отрицанием, свойственным греческому языку, и двойным отрицанием, обычным для славянских языков, — то мы заметим, что при явном преобладании второго оборота в древних славяно-русских переводных памятниках (см., например, Остромирово евангелие, от Луки XV, 16, л. 118: «никѣто же не даяше емоу») оборот с одним отрицанием окончательно закрепляется лишь в ученом церковнославянском языке к середине XVII столетия.¹³⁹

Таковы, на наш взгляд, существеннейшие черты языка и синтаксиса тех переводов, которые мы отнесли к первому типу.

Второй тип переводов мы наблюдаем в памятниках, не имевших строго церковного содержания и назначения. Это хроники, повести, нравоучительные изречения и подобные произведения, предназначавшиеся преимущественно для домашнего чтения. Наиболее характерным примером второго типа мы уже называли перевод «Истории» Иосифа Флавия. При выполнении своего труда переводчик ставил себе идеологические и стилистические задачи, коренным образом отличавшиеся от переводимого сочинения. Этот памятник скорее приближается к творческому пересозданию текста, чем к переводам в собственном смысле.

В меньшей степени отклоняющимися от своих подлинников мы считаем такие повествовательные и хроникальные произведения, как Хроника Иоанна Малалы, Хроника Георгия Амартола и другие. К этому же типу отнесем «Александрию», «Повесть об Акире», «Девгеньево деяние» и другие. Но и эти памятники в ряде мест заметно отклоняются от оригиналов в отношении стилистики.

Так, В. Д. Кузьмина отмечает многочисленные примеры употребления переводчиком устойчивых сочетаний, свойственных славянским языкам, в качестве стилистического средства, приближающего язык перевода к произведениям устного народнопоэтического творчества.¹⁴⁰

В то время как в греческом тексте поэмы почти отсутствуют сравнения, русский перевод «Девгеньева деяния» обильно расцвечен ими. Девгений не один раз уподобляется «дюжему соколу»; воинский труд сравнивается

¹³⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 89.

¹³⁸ R. Ružička. Griechische Lehnntax..., стр. 145.

¹³⁹ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3-е. Киев, 1950, стр. 348.

¹⁴⁰ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгеньева деяния». — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 75—77.

с трудом земледельца. Девгений сражается с вражеским войском, «яко же добры косец траву положи», или бьется с супостатами, «яко добры жнец траву счет». ¹⁴¹

Стремясь возвеличить ратные подвиги Девгения, русский переводчик с особым удовольствием описывает, как он, перебив одну половину вражеского воинства, взял другую их половину в плен, «перевяза, яко пастух овец перед собою погна». В данном случае переводчик не боится вступить в прямое противоречие с оригиналом поэмы, где говорилось, наоборот, о том, как Дигенис жестоко бился с врагами и ни одного из них не оставил в живых. ¹⁴²

Если в греческом тексте «Дигениса» названия зверей, как правило, приводятся вовсе без эпитетов, то в древнерусских списках перевода наблюдаем обилие таких постоянных эпитетов, как «лютый» (зверь), «младый» (сокол), «борзый» (конь) и др. Последнему эпитету обычно соответствуют в греческом «отважный», «смелый» (τολμηρὸς καὶ θρασύς ἵππος). ¹⁴³

Наоборот, как отмечает В. Д. Кузьмина, эпитеты, связанные с понятием «золотой», часто совпадают в греческом и в русском текстах. Несомненно греческого происхождения, например, эпитеты, передающие восторг Стратиговны перед красотой юного Девгения: «О свет светозарный, прекрасное солнце!».

Таким образом, русский переводчик «Девгеньева деяния» не во всем и не везде полностью следовал своему подлиннику. Он брал из греческой поэмы сравнения, эпитеты, метафоры и другие изобразительные средства либо в соответствии с книжной, либо с народно-поэтической традицией, привычной его соотечественникам.

М. М. Копыленко исследует гипотактические конструкции в таких переводных произведениях, как Хроника Малала, ¹⁴⁴ Хроника Георгия Амартола ¹⁴⁵ и «Александрия». ¹⁴⁶ Он сравнивает структуру сложноподчиненных предложений в этих памятниках с синтаксическим строем оригиналов. При этом устанавливается, что славянские переводы значительно богаче в отношении сложных синтаксических конструкций, чем греческие подлинники. Это синтаксическое богатство и разнообразие в переводных текстах объясняется главным образом тем, что греческие простые предложения с зависимыми инфинитивами, с причастными оборотами и другими членами предложения заменяются обычно сложноподчиненными предложениями с придаточными различных видов.

Так, в «Хронике» Амартола зависимый инфинитив в функции дополнения передается дополнительными придаточными с союзом «да» и со сказуемым в форме изъявительного или сослагательного наклонения. Подобный же инфинитив в значении обстоятельства заменяется в переводе тоже придаточным цели с союзом «да» и изъявительным наклонением. Инфинитив в функции обстоятельства причины находит себе соответствие

¹⁴¹ Там же, стр. 76.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, стр. 77.

¹⁴⁴ М. М. Копыленко. Из спостережень над історією гіпотаксису. Гіпотактичні конструкції «Хроникі» Іоанна Малала, пам'ятки перекладної літератури X ст. — Праці Одеського держ. університету Ім. І. І. Мечникова, Збірник Філологічного факультету, т. III, 1953.

¹⁴⁵ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — Византийский временник, т. XII. М., 1957, стр. 232—241.

¹⁴⁶ М. М. Копыленко. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Александрии»). — Византийский временник, т. XVI. М., 1959, стр. 82—91.

в придаточном причини с союзом «зане». Вместо греческих оборотов *accusativus cum infinitivo* или *accusativus cum participio* обычно выступает придаточное предложение причини. Подытоживая наблюдения в этой области, М. М. Копыленко пишет: «... приведенных нами данных достаточно для того, чтобы убедиться в самостоятельном развитии славянского гипотаксиса. Многочисленные факты дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского языка».¹⁴⁷

Мы можем вполне согласиться с М. М. Копыленко в том, что в переводе «Александрии» в еще большей степени по сравнению с «Хрониками» сказывается прогрессивная тенденция в развитии славянского гипотаксиса. Это находит свое объяснение как в особенностях повествовательного литературного жанра с его наибольшим по тому времени приближением к обиходной разговорной речи, так и в повышении языковой культуры переводчика. В отношении использования сложных синтаксических моделей «Александрия» представляет собой несомненный шаг вперед в развитии переводческого мастерства.

Что касается перевода «Истории Иудейской войны», то его текстуальное сопоставление с подлинником почти невозможно, так как переводчик коренным образом перестраивает весь строй изложения, сообщая несколько суховатому стилю греческого историка конкретность и живую непринужденность и образность. В свое время мы имели возможность раскрыть стилистическую сторону этого памятника.¹⁴⁸ Кратко перечислим основные черты, характеризующие высокое искусство древнего мастера художественного в полном смысле слова перевода.

Свобода переводчика по отношению к переводимому материалу и его незаурядное литературное мастерство проявляются главным образом в следующих стилистических приемах: 1) естественный порядок слов и структура синтаксического целого, независимые от оригинала; 2) конкретизирование общих отвлеченных понятий; 3) художественное распространение описаний, преимущественно в боевых эпизодах; 4) приспособление к русским понятиям и быту феодально-дружинной среды; 5) использование прямой речи и диалога взамен косвенной речи и повествования о событиях в оригинале; 6) широкое привлечение образных сравнений, метафор, метонимий, не имеющих себе соответствия в греческом тексте; 7) частое применение фразеологических единств, укоренившихся в русском языке; 8) эмоционально насыщенные описания природы, данные ярче и проникновеннее, чем в подлиннике; 9) звуковая организация речи, привлечение рифмы и ритмического построения фраз.

Приведем в дополнение к указывавшимся нами ранее несколько ярких примеров того, как переводчиком применялись названные черты художественной речи.

В VIII главе книги II (часть 11), где излагается учение ессеев о загробном воздаянии, мы находим такую лаконичную и ритмически построенную фразу: «Тъм бо словом будять и нудять люди добра творити, а зла лишатися».¹⁴⁹ В оригинале на месте этого находим лишь: этим стремятся они,

¹⁴⁷ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола, стр. 236.

¹⁴⁸ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 75—90, см. также: Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси, стр. 58—70.

¹⁴⁹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 256.

во-первых, установить бессмертие душ, а затем также внушить приятность добродетели и отвратить от порока.

В III главе IV книги рассказывается о переговорах между сторонниками высшего иерусалимского жречества и революционно настроенными зилотами. В части 13 данной главы сообщается о посольстве к зилотам Иоанна Гисхальского, которого первосвященник Анан предварительно закликает, чтобы он не сообщал мятежникам планов, принятых сторонниками мира с римлянами. В переводе мы находим: «... прежде закленъ его, да приять ему и людем и не проявить ревнителемъ ни думы, ни слова, ни дѣла».¹⁵⁰ В греческом этому соответствует лишь: никакого совета, никакого дела не передавать врагам. Как видим, переводчику принадлежит яркий поэтический оборот речи с трехчленной возрастающей градацией и с постепенным усилением конкретности в изложении. В той же главе, несколько выше, тот же первосвященник обращается к народу с таким патетическим воззванием: «... и живу, о съльнце, и веледушу, и не емлю славныя смерти от своее старости!».¹⁵¹ В греческом здесь, как и в XXV главе книги I, отсутствует обращение к солнцу. Если мы примем во внимание, что в еврейском языке один и тот же глагол мог обозначать и «жить», и «клясться», то смысла приведенного воззвания становится ясен. Говорящий клянется солнцем. Несомненно, что поэтический характер перевода, стремление переводчика к наибольшей живости и образности речи послужили источником подобного призывания.

В наших работах в качестве примера эмоционального изображения природы приводился отрывок из III главы III книги «Истории» с описанием Галилеи. Отмечалось, что подобное поэтическое описание сильно отличается от суховатого по своей форме изложения в греческом подлиннике. Указывалось, что такое изображение природы не только в стилистическом, но и в идейном отношении стоит близко к «Слову о гибели Русской земли».¹⁵²

В 1960 г. появилась статья В. В. Данилова, посвященная названному памятнику древнерусской литературы XIII в.¹⁵³ Автор статьи, не упоминая наших работ и не ссылаясь на них, выступает со скрытой полемикой против положений, высказанных нами. Приведя дословный подстрочник греческого текста и процитировав для сравнения использованный нами отрывок перевода, В. В. Данилов подчеркивает, что, по его мнению, древнерусский перевод описания Галилеи почти буквально передает греческий текст оригинала. Лишь немного отличается перевод от подлинника: образное сравнение количества сел в Галилее с количеством звезд и наличие эпитета «жатвенное» при существительном солнце.

Несомненно, эти два отличия древнерусского перевода от подлинника, указанные В. В. Даниловым, сами по себе весьма существенны. Они неопровержимо свидетельствуют о поэтизации текста переводчиком. Если к этому добавить ритмическую организацию фраз в тексте перевода, на которую даже нет намека в греческом, то есть основания утверждать, что такая поэтизация была со стороны переводчика, быть может, и бессознательной, и не нарочитой, однако она вытекала из его художественной одаренности, проявляла его владение слогом и подлинное стилистическое мастерство. Таким образом, и в данном случае можно сказать, что пер-

¹⁵⁰ Там же, стр. 332—333.

¹⁵¹ Там же, стр. 330.

¹⁵² Там же, стр. 87.

¹⁵³ В. В. Д а н и л о в. «Слово о гибели Руския земли» как произведение художественное. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 132—142.

водчик вложил от себя в это место переводимого им произведения свое авторское эмоциональное восприятие природы и любви к родине.

Последняя по времени опубликования работа о языке и стиле перевода «Истории Иудейской войны» принадлежит перу М. М. Копыленко.¹⁵⁴ В упомянутой статье рассматриваются приемы использования переводчиком устойчивых словосочетаний. Наблюдения автора не оставляют сомнения в том, что переводчик смело и широко применял устойчивые сочетания слов на месте одного слова, засвидетельствованного в оригинале. Дальнейшего изыскания требует вопрос о том, какие именно из этих фразеологизмов есть возможность признать бытовавшими в русской языковой среде того времени, какие обороты могли проникнуть в язык в результате калькирования с какого-либо иноязычного источника, помимо непосредственного оригинала произведения, наконец, какие устойчивые сочетания слов могли появиться в результате стилистического новаторства, проявлявшегося самим переводчиком.

М. М. Копыленко исследовал главным образом приглагольные словосочетания, выявляя при этом фразеологическое своеобразие перевода и определяя степень фразеологической активности различных опорных глаголов в устойчивых сочетаниях. Собранный им материал показывает, что наиболее часто употреблены в переводе словосочетания с глаголами «творити» («сътворити») и «дѣяти». Сравнение с древними переводами евангелия убеждает нас, что этот тип сочетаний уже издавна был широко распространен в славянских языках. Среди сочетаний этого вида отметим «миръ творити» (примириться), «дарования творити» (готовить, готовить), «лестъ створити» (причинять), «не творити пакости» (оставлять нетронутым, щадить), «брань створити» (сразиться), «сътворити убиство» (в греч. «нагромоздить множество трупов»), «творити вражество», «побѣду створити» (без какого-либо соответствия в греческом), «повѣсть дѣяти» (беседовать), «промыслы дѣяти» (заботиться) и другие.

Почти столь же часто употребляются сочетания с глаголами «имѣти», «яти» («пояти», «прियाи», «възяти»).

Почти такой же фразеологической активностью отличались глаголы «дати» и производные от него «въдати», «въздати», «отъдати», «подати». Далее следуют фразеологизмы с глаголами, образованными от основы «-ложи-ти»: «възложити», «отъложити», «приложити», «положити». Менее употребительны в качестве господствующего компонента в устойчивых словосочетаниях такие глаголы, как «преступити», «принести», «просити», «въздвигати» («въздвизати»), «держати», «улучити», «обрѣсти», «отвратити», «простирати», «строить» («устроить»).

Подводя итог сделанному, М. М. Копыленко заключает: «...уже сейчас можно говорить о значительном фразеологическом своеобразии литературного языка древней Руси, об очень малой степени зависимости структурно-семантической ткани фразеологизмов переводных произведений от греческих образцов».¹⁵⁵ Такое высокохудожественное произведение, каким справедливо признается древнерусский перевод «Истории» Иосифа Флавия, доказывает, что ко времени его создания неизмеримо возрастает фразеологическая самостоятельность литературно-письменного языка славян, ощущаемая уже в переводах евангелия.

Дополним исследование М. М. Копыленко некоторыми нашими наблюдениями над фразеологической активностью оборотов, синонимических

¹⁵⁴ М. М. Копыленко. О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Глагольно-именные фразеологизмы). — Византийский временник, т. XX. М., 1961, стр. 164—183.

¹⁵⁵ Там же, стр. 183.

современной русской идиоме «куда глаза глядят». В книге II (глава XXI, часть 5) «Истории Иудейской войны» мы читаем: «И тако ужась възложи на люди, яко пометавше оружия, разбѣгошася, камо кого очи неся-шета».¹⁵⁶ Этому в подлиннике соответствует лишь: «бросив оружие, убежали». В ином месте перевода фразеологический оборот носит несколько отличный характер: «А иже има бѣша древле вѣрны слугы, то разидошася, камо кого мужа влѣчаше».¹⁵⁷

Еще один раз подобное же синонимическое выражение мы находим в XII главе книги II (часть 1): И «бѣжаша от църкѣви, кто камо идя». Если в Архивском списке вместо формы «идя» стоит более древнее «ида», то в Волоколамском и других списках «отдельной» редакции находим аналогичную причастную форму от глагола «видѣти» — «кто камо видя».¹⁵⁸ Первому из отмеченных нами устойчивых сочетаний мы нашли полное соответствие в «Хождении» Афанасия Никитина: «.. а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли».¹⁵⁹ Третий фразеологический оборот обнаружен нами в тексте Первой Новгородской летописи под 1226—1228 гг.: «.. и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды кто видя».¹⁶⁰

Приведенные примеры доказывают, насколько широк был круг обращения подобных устойчивых словосочетаний в литературно-письменном языке в течение всей средневековой эпохи.

Разумеется, то, что нами установлено на материале такого совершенного образца переводческого искусства, как «История Иудейской войны», не было счастливым исключением. Многие другие переводные произведения если и не отличались той же высокой художественностью, то не в меньшей степени обладали смысловой и эмоциональной значительностью и выразительностью. Многие из того, что нами отмечено в переводе «Истории» Иосифа Флавия, наблюдалось уже учеными на материале других памятников. Так, в тексте «Изборника Святослава» 1076 г. находим во многом похожие стилистические черты. В нем отмечаются рифмованные афоризмы, например «Даждь мокнущему сухоту, зимному теплоту». Сравни с этим в переводе «Истории»: «Земное же съмя сторицею ражается от аиерьскы тѣ плоты и от водныя тукоты» (книга IV, глава VIII, часть 3). Или: «И аще кто дрѣвле видѣвъ иудѣйскую красоту и градскую лѣпоту, а тогда приключися ему видѣти пустоту, (кто не познал бы)» (книга VI, глава I, часть 1).

В том же «Изборнике» читаем и такое изречение, содержащее глагольную морфологическую рифму: «Си бо на стезю подвига вступашаши, душа же от расслабления свобожашаши». Рифмовка подобного рода в переводе «Истории» встречается постоянно. Кроме многочисленных примеров, приводившихся нами в прежних работах, отметим еще: «Потрудимся и понудимся, ничто бо славно исправляеть[ся] без труда и без бѣды» (книга III, глава X, часть 4, стр. 315). Сравни также: «Вода его стоить въину, ни убывающи, ни прибывающи, ни преливающися» (книга III, глава X, часть 7, стр. 316). Примеры этого рода можно найти в тексте многих глав и книг «Истории».

Среди изречений «Изборника» обнаруживаются и такие, которые построены на ярких звуковых повторах, способствующих изобразительности

¹⁵⁶ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 289.

¹⁵⁷ Там же, стр. 429.

¹⁵⁸ Там же, стр. 265.

¹⁵⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2-е. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 13.

¹⁶⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 65.

афоризма: «Не буди гърдь, да не поне похвалиться грѣбъ». В «Истории» мы неоднократно отмечали сознательно или случайно использованные переводчиком звуковые повторы. Приведем еще: «И повелѣ Тит бити стѣны на три мѣста. И внѣзпну объста гром град, вопиющимъ внутренимъ болѣ силы» (книга V, глава VI, часть 4, стр. 375). Если мы неоднократно подчеркивали стилистическое мастерство у переводчика «Истории», то подобного же отзыва были достойны и составители «Изборника» 1076 г. Наблюдения над его языком и стилем, как указывал И. У. Будовниц, «изобличают в авторе . . . мастера русской речи, а не просто переводчика с греческого». ¹⁶¹

Мастерство древнерусских переводчиков, которое особенно ярко проявилось в переводах XI—XII вв., продолжало сохраняться и в последующие столетия. В качестве образца высокого искусства мы имеем право рассматривать, например, перевод «Рыдания» Иоанна Евгеника, византийского писателя, современника взятия Константинополя турками в 1453 г., оплакавшего это горестное событие в своем проникновенном произведении. Русский перевод «Рыдания» почти современен написанию оригинала, а следы старших его списков восходят к 1468 г. В этом тоже заключается немаловажный интерес для исследования.

«Рыдание», по всей вероятности, было переведено на Афоне, тогдашнем международном центре православного монашества, и переводчик, по видимому, был монах. Во всяком случае в его труде проявляется явная тенденция к стиранию элементов языческой античности, весьма заметной в оригинале, и, наоборот, распространение церковнобиблейских упоминаний. Так, из перевода исчезло то место, где автор сравнивает бедствия, перенесенные жителями Константинополя во время его осады турками, с бедствиями древней Трои. Выпала из перевода реминисценция из «Метаморфоз» Овидия, которой заканчивал свое произведение автор. Выражение «жилище муз» (*ἑστία χαρίτων*) превратилось у переводчика в «дом благоденствий». Зато лаконичное в греческом оригинале *ἀκάθιστον ὕμνον* заменено пространным «иже акафиста благодарственную пѣснь». Цитаты из ветхозаветных и новозаветных текстов, которые в оригинале приводятся не всегда точно и неполностью, в переводе обычно уточнены и дополнены. Все это обличает в переводчике ревнителя церковноправославных воззрений. Однако мы не можем при этом не заметить его незаурядного мастерства. Сложный и затрудненный синтаксический строй подлинника, перегруженность его редкими и устарелыми глагольными формами вызывали немало препятствий, которые переводчик обычно с успехом преодолевал. Так, например, несовпадение грамматического рода у существительных *ἡ πόλις* и «град» должно было бы, казалось, разрушить в переводе вытекающую из этой грамматической особенности образность. Если в греческом слова *πόλις, μεγαλόπολις* женского рода, то в славянском «градъ, великий царствующий градъ» — мужского рода. Поэтому выражение *οὐκ ἔτι βασιλῆς* (уже нет более царицы-столицы) передано в переводе с заменой существительного глагольной формой: «не ктому царствуемъ». Словам *καὶ πότε παρακληθήσῃ βασιλῆς μεγαλόπολις* соответствует в переводе: «И когда утѣшишься царьскими великими граде?». При этом устраняется смысловой параллелизм сопоставления плачущей столицы с рыдающей о своих детях Рахилью. Там, где речь идет о порабощении города мусульманами, в греческом тексте сказано, что царица городов *βασιλῆς τῶν πόλεων* стала «рабой» (*δούλη*) внукам рабыни (*δουλίδος*) Агари». Это место переводчик передал так: «Дивный царь градомъ рабъ нынѣ уже и внуком рабыни Агари».

¹⁶¹ ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 51.

Порядок слов в переводе и синтаксический строй в большинстве случаев строго соответствуют подлиннику, однако во многих местах мы находим и отступления от оригинала, там, где к этому обязывает дух родного языка переводчика, и перевод благодаря этому становится более логичным и прозрачным. В греческом мы читаем: ἐναντὶθα δὲ τοῖς ἐχθροῖς ἐφάνας τοῦ Χριστοῦ καθ' ἡμῶν (Здесь же врагам светило Христа против нас). В переводе: «Здѣ же врагом христовымъ свѣтяше на насъ». Обычно каждой лексеме греческого оригинала в переводе соответствует при всех случаях употребления одна и та же славянская лексема. Однако нами найдено 38 случаев, не считая местоимений и предлогов, когда одна и та же греческая лексема передается различными русскими, например: ἀχομίαιа — «некрасота» и «нелѣпота»; δύναμις — «сила» и «крѣпость»: φωνή — «воплъ» и «гласъ». При этом, наоборот, наблюдается 12 случаев, когда одним и тем же славянским словом переводятся различные греческие лексемы, например: ἐρήμωσις и ἄλωσις — «запустѣнне»; ἀγαθός и χρηστός — «благинъ»; κίνδυνος и συμφορά переданы словом «бѣда». Так же свободно подходил переводчик и к передаче сложных слов подлинника сочетанием двух слов, равных по смыслу, или заменяя простое слово греческого оригинала славянским сложным. Все это показывает, что переводчик «Рыдания», как и его предшественники, не следовал рабски переводимому оригиналу и проявлял богатые стилистические возможности славяно-русского литературно-письменного языка.¹⁶²

Примерами высокого переводческого мастерства мы можем признать и другие образцы переводной литературы XV—начала XVI в., хотя они и переводились различными лицами и с различных языков. Таков перевод «Прения живота со смертью», сделанный с нижненемецкого оригинала,¹⁶³ или выполненное Федором Карповым переложение стиха Овидия.¹⁶⁴

Искусство перевода, которым обладали древнерусские переводчики, заслуживает глубокого и всестороннего изучения. Наша филологическая наука и сейчас еще испытывает настоятельную нужду в тщательно разработанной теории перевода. Если таковая теория будет создаваться, то, разумеется, при ее выработке нельзя проходить мимо тех успехов и достижений переводческой практики, которыми были отмечены труды древних славяно-русских мастеров перевода. Эти безвестные художники слова не имели научно обоснованной теории перевода, по крайней мере до наших дней не дошло от нее никаких следов. Подобно тому как древнерусские зодчие, не зная высшей математики, не производя инженерных расчетов, смогли с высоким искусством разрешать встававшие перед ними технические и художественные задачи, выстроив такие сокровища архитектуры, как София Новгородская или храм Покрова на Нерли, оставшиеся безвестными мастера переводческого дела оставили векам полные выразительности и силы образцы в полном смысле художественных переводов, не

¹⁶² См. об этом частично в нашей статье «„Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод» (Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 81—84).

¹⁶³ Herbert Raab. Zu einigen Niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slavistik, B. III. Berlin, 1958, стр. 324—325.

¹⁶⁴ Сообщение В. Ф. Ржиги на заседании Отделения русского языка Академии наук 22 февраля 1914 г. — Известия Академии наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105. См. также: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 281 («Нынѣ живут от похищения. Нестъ гостиникъ от гостя без боязни. Нестъ теть от зятя; и братская убо любовь редка есть». Латинский подлинник: Vivitur ex rapto; non hospes ab hospite tutus. Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est).

воспроизводивших свои оригиналы буквально, но всегда верных смыслу и стилю подлинников.

Необходимо сказать еще несколько слов об одном до недавнего времени вовсе не привлекавшем внимания специалистов разделе переводной письменности — о переводах гимнологических памятников. Мы уже сказали, что такие памятники у нас еще почти не учтены, не описаны и не изданы; до недавнего времени те немногие исследователи, которые обращались к их изучению, рассматривали их тексты как произведения прозаические, обращая внимание в первую очередь лишь на ошибки, допущенные переводчиками при передаче греческих оригиналов.¹⁶⁵

Между тем бесчисленные переводы на славянский язык канонов и кондаков, стихир и тропарей представляют собой не коряво сработанные подстрочники поэтических оригиналов, художественных произведений византийской гимнографии, но в полном смысле образцы высокой поэзии. Если сама по себе византийская гимнография изучена еще весьма поверхностно, то поэтическая сторона переводов обратила на себя внимание отдельных ученых лишь в последние годы. В 1961 г. Р. О. Якобсон выступил с докладом, посвященным старославянской поэзии.¹⁶⁶ В том же году несколько строк было уделено в этом плане языку переводов и в нашем докладе.¹⁶⁷

Как доказало произведенное Р. О. Якобсоном сопоставление славянских поэтических гимнов с их греческими оригиналами, поэтичность переводов заключается, между прочим, и в ритмическом их построении, в строго регламентированном стихотворным размером количестве слогов в стихотворной строке. Эта ритмическая организация стиха в переводных песнопениях дополняется последовательно проводимой звуковой организацией, своеобразной инструментовкой текста, проявляющейся в аллитерациях и ассонансах, оттеняющих ту словесную и музыкальную картину, которая должна представляться слушателям этих торжественных музыкально-поэтических произведений.

Аналогичное открытие недавно было сделано на материале древней грузинской гимнологии.¹⁶⁸ Художественная древнерусская гимнология должна быть подвергнута самому тщательному изучению как со стороны языка и стили ее текстов, так и со стороны мелодий их вокального звучания.¹⁶⁹

7

Здесь мы остановимся на литературной судьбе переводных произведений на их новой родине. Этой проблеме посвящена недавно появившаяся статья В. Д. Кузьминой.¹⁷⁰ Еще раньше об этом много и обстоятельно

¹⁶⁵ См., например: И. В. Ягич. Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг.; Erwin Koschmieder. Die ältesten Novgoroder Hirmologienfragmente. Lieferung I. München, 1953; Lieferung II. München, 1955.

¹⁶⁶ Roman Jakobson. The slavic response to Byzantine poetry. — XII congrès international des études Byzantines. Rapports, VIII. Belgrade—Orchide, 1961.

¹⁶⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 101—103.

¹⁶⁸ См.: И. Андроников. Разгадка тысячелетней тайны. — Новый мир, 1962, № 9, стр. 231 (О работах Павле Игорюка).

¹⁶⁹ См. выступление М. В. Бражникова на IV Международном съезде славистов (т. I, стр. 338—339); Н. Д. Успенский. Византийское пение в Киевской Руси — Akten des XI Internationalen Byzantinistischen Kongresses. München, 1960, стр. 643—654.

¹⁷⁰ В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 13—20.

было написано в исследовании Д. С. Лихачева.¹⁷¹ Поделемся некоторыми наблюдениями, которые в основном подтверждают сказанное в работах предшественников.

На русской почве переводные произведения обычно находили широкое распространение, многие из них прожили долгую и славную жизнь, удовлетворяя любознательности и духовным запросам не одного поколения русских читателей. Изменялись идеологические взгляды древнерусского общества, претерпевали изменения литературные вкусы и привычки, но при этом одно и то же переводное произведение продолжало переписываться и читаться, привлекая к себе внимание разными сторонами своего сюжета и стиля.

Так, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны», выполненный в XI—XII вв. в дружинной среде Киевской Руси, оказался уже почти забытым через 2—3 столетия. Но вот в конце XIV в., по всей вероятности, среди русских насельников Константинополя изготавливается новая, «отдельная» редакция этого памятника, и она немедленно находит живейший отклик во всей Северо-Восточной Руси в период образования Московского централизованного государства. Иосифа Флавия читают и комментируют, делая выписки из его книги, и в переживавшем последние дни своего независимого существования Новгороде, и в Москве. Его читают и изучают Иосиф Волоцкий и Иоанн Грозный. В XVII в. его рекомендует своим читателям протопоп Аввакум. Многочисленные списки перевода «Истории» сохранились от этого времени в монастырях Севера: в Кирилловом Белозерском и Соловецком, в Красногорском и в Антониевом Сийском. Этот перевод цитирует в своих прениях с духовником датского королевича Вольдемара московский протопоп Иван Наседка. Наконец, уже в XVIII в. перевод «Истории» усердно читают в Даниловом Выговском скиту, в тогдашнем центре Поморского беспоповства.

Если одно и то же произведение способно затрагивать и волновать русских читателей в различные исторические эпохи, то это, разумеется, было и результатом добротности перевода, плодом мастерства переводчиков. Киевская Русь, феодально-дружинная, ценила в этом произведении преимущественно красочные изображения боевых действий и подвигов. По крайней мере в большинстве выписок из «Истории», обнаруживающихся в тексте Киевской и Галицко-Волынской летописей XII—XIII в., в «Житии Александра Невского», мы находим именно подобного содержания отрывки. В середине XIV в. выдержка из перевода «Истории» попадает в текст Первой Новгородской летописи младшего извода (в записи 1316 г.).¹⁷²

В позднейший период, в XV—XVIII в., на первый план выдвигаются те места перевода, которые вызывали к себе прежде всего церковнодогматический интерес, — так называемые христологические вставки. «История» Иосифа Флавия вместе с переводом «Рыдания» Иоанна Евгеника, посвященного падению Константинополя, попадает в круг таких произведений, с помощью которых идеологи централизованного самодержавного государства обосновывали свои воззрения.¹⁷³

¹⁷¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы М—Л., 1952, стр. 130—155.

¹⁷² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 337. По Комиссионному списку (л. 197): «... и заблудиша во озерех в болотех; и начаша измирати гладом, и ядыху конину, а инии, съ щитовъ кожу сдирающе, ядыху ... якоже древе иерусалимянѣ, внигда предасть я бог в руцѣ царю Титу Римьску».

¹⁷³ Подробнее см.: Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 154—164.

Судьба перевода «Истории» Иосифа Флавия на русской почве причудливым образом переплетается с литературной биографией другого переводного произведения с тем же содержанием и сюжетом — с переводом еврейской книги «Иосиппон». Эти два перевода в течение долгого времени конкурировали друг с другом. Оба произведения, по всей вероятности, были переведены почти одновременно, около рубежа XI—XII вв. В противоположность своему литературному сопернику перевод «Иосиппона» не сохранился в полном виде и в отдельных списках, а дошел до нас лишь в отрывках, в составе различных компилятивных сводов.

Древнейшим отражением этого переводного произведения в русских оригинальных памятниках является, как мы выше сказали, эпизод о пощении Александром Македонским Иерусалима в записи 1110 г., читаемый как в Ипатьевской летописи, так и в несколько измененном виде в «Летописце Переяславля Суздальского». Около начала XIII в. «Иосиппон» появляется в Северо-Восточной Руси. Выдержка из этого перевода попадает в рассказ о Липицкой битве в Суздальской летописи под 1216 г. Позднее отрывки из «Иосиппона» попадают в Еллинский и Римский летописец второй редакции.¹⁷⁴

Около этого же времени перевод «Иосиппона» включается в качестве основной части в своеобразное компилятивное сочинение «Плены Иерусалими». Так называемое «первое пленение Навходоносорова» и «второе пленение Антиохово» включают в себя обширные выдержки из I и III книги «Иосиппона».¹⁷⁵ Третье пленение в этом произведении уже впоследствии было заменено текстом «Истории Иудейской войны» так называемой «отдельной» редакции. Сам же рассказ VI книги «Иосиппона» под заглавием «О взятии Иерусалиму, третье Титово» оказался в составе Еллинского летописца второй редакции и в свою очередь претерпел ряд редакционных переработок. В Еллинском летописце текст «Иосиппона» тесно переплетается с выдержками из Хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Существуют списки в составе различных сборников XV—XVI вв., где этих выдержек нет.¹⁷⁶ Наконец, в XV—XVI вв. статья «О взятии Иерусалиму» попадает в состав Русского Хронографа первой редакции, отсюда в списки Западнорусского Хронографа, а уже отсюда в молдавские и валашские переводы этих произведений. Около середины XVIII в. отдельные места перевода «Иосиппона» оказали некоторое воздействие на стилистику поэтической повести «Об Азовском сидении». Однако все эти пока беглые и мимолетные наблюдения ожидают своей дальнейшей разработки в монографическом исследовании древнерусского «Иосиппона».

Не менее поучительно проследить литературную судьбу Хроники Иоанна Малалы. Это интереснейшее произведение византийской литера-

¹⁷⁴ См.: В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1903, ч. CCCXLVIII, № 10, отд. 2, стр. 201—218; К. К. Истомин. Некоторые данные о протографе Еллинского Летописца. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLIV, № 7, отд. 2, стр. 80—93; А. А. Шахматов. Новая хронологическая дата в истории русской литературы. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLI, № 1, отд. 2, стр. 174—179.

¹⁷⁵ В работе В. М. Истрина «Хронограф Академии Наук № 45.13.4» (Одесса, 1905) напечатаны некоторые куски этих частей книги «Иосиппон», как например «Сказание об иерее Мататиаге», «Сказание о мучении 7-ми братьев Маккавеев». Однако В. М. Истрин на основании частого упоминания о воскресении мертвых во втором сказании склонялся признать эти части переводами каких-то неизвестных новозаветных апокрифов.

¹⁷⁶ См., например: Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 770, лл. 59—67, а также, по-видимому, Копенгагенской библиотеки, № 147 в (XVII в.), лл. 548 об.—575.

туры послужило главным источником, откуда славянский культурный мир черпал свои сведения об античной мифологии и истории. Будучи во многом противоположна по содержанию и по стилю строго монашеской Хронике Георгия Амартола («грешника»), тем не менее насыщенная языческими элементами Хроника Иоанна Говоруна (так можно перевести с сирийского языка прозвание этого писателя) оказалась на русской почве тесно переплетена с первой. Где впервые были переведены обе эти Хроники, вопрос до сих пор остается без окончательного решения. Но одно ясно, что они проникли на Русь не позднее XI в. и подвергались тут всесторонней переработке. Обе Хроники, образовав тесный сплав, составили вместе так называемый Хронограф по великому изложению, откуда уже брались многочисленные заимствования в текст Начальной летописи. Особенно характерна восходящая в основном к переводу Малалы статья 1114 г., о которой уже немало написано.¹⁷⁷ Затем обе Хроники вошли в состав Еллинского и Римского летописца первой редакции. Оттуда материал этих хронографических произведений с добавлением новых источников попадает во вторую редакцию этого же летописца и в Хронографическую палею. После этого выдержки из Хроники Малалы проникают в так называемый Иудейский хронограф, создававшийся в Западной Руси в XIII в. Наконец, уже в более позднее время мы находим тексты из Хроники Малалы в различных хронографических сборниках, как например «Академический» (БАН, 45.13.4), тождественный с ним «Уваровский» (ГИМ, Увар. № 3/18), «Софийский» № 1454 и другие, откуда В. М. Истрину при подготовке своего издания приходилось их извлекать буквально по кусочкам. В стилистическом отношении текст Хроники Малалы наряду с «Александрией» и «Историей» Иосифа способствовал становлению древнерусского «этикета» воинских повестей, оказав воздействие на описание боевых действий в летописях.¹⁷⁸

Кроме прямого текстуального и стилистического воздействия на древнерусский летописный стиль, мы можем указать еще на один тип взаимоотношений между этой Хроникой и летописями, на который до сих пор еще не обращалось внимания.

В тексте Малалы мы очень часто встречаем своеобразные словесные портреты различных исторических деятелей, преимущественно римских и византийских императоров. Обычно эти выпуклые характеристики находятя после указания лет царствования или завершают собой хроникальный рассказ о деятельности того или иного лица. Наряду с внешними чертами портрета иногда даются и отдельные стороны моральной характеристики. Приведем ряд примеров из текста X книги Хроники Малалы. В главе III мы читаем об императоре Тиверии: «Кесарьствова Тиверіи, Оулінъ сынъ, лѣтъ 22 ... бѣ же възрастомъ средній, старъ, тонокъ, доброокъ, смагль, крокорявъ, любодарливъ, дѣлолюбивъ».¹⁷⁹ В главе V находим характеристику Гайоса (Калигулы): «Бѣ же высокъ, лѣпъ, тонкимъ лицемъ, роумянъ, наусъ, простъ власы, маламы очима, борзорѣчивъ, гнѣвливъ, велед(у)шенъ».¹⁸⁰

¹⁷⁷ В. М. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом. — ЖМНП, 1897, ноябрь, стр. 83—91.

¹⁷⁸ А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (до конца XVII в.). — ЧОИДР, кн. 4, 1902, стр. 1—50; 2) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 93—126.

¹⁷⁹ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга X Одесса, 1913, стр. 7.

¹⁸⁰ Там же, стр. 15.

В VII главе той же книги читаем следующую характеристику императора Нерона: «Бѣ же высокъ и тонокъ, седь, густъ брадоу, строинъ».¹⁸¹ Не останавливаясь сейчас на остальных портретах римских императоров, приведем еще характеристику Веспасиана, не вошедшую в издание Истрина и найденную нами в рукописи Виленского хронографа в тексте IV книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Бѣ же низокъ, плѣшивъ, чреватъ, седь, чермень, напухлыма очима, плосколицъ, гнѣвливъ».¹⁸²

В дальнейших книгах Хроники Малаалы характеристики византийских императоров становятся более лаконичными. Они зачастую ограничиваются 2—3 чертами внешнего портрета, но зато иногда присоединяют к ним оценку деятельности этого лица. Так, в книге XIV (глава III) читаем об императоре Феодосии II: «Сѣ же Феодосии тѣломъ среднии и чистымъ лицемъ лѣпъ».¹⁸³ В книге XV (глава I) находим: «Зинонъ бѣ же тѣломъ среднии»;¹⁸⁴ там же: «Дикорось Драчанинъ ... бѣ же высокъ зѣло».¹⁸⁵ В книге XVII встречаемся с характеристикой императора Иустина: «Иоустинъ Всидаритинъ Фраксъ ... бѣ же тѣломъ среднии, на ратехъ добръ».¹⁸⁶

Еще в 1934 г. была опубликована статья А. Б. Никольской, в которой рассматривался вопрос о «словесном портрете» в древнерусской литературе.¹⁸⁷ Правда, автор этой работы, собрав аналогичные характеристики исторических лиц из Хроники Амартола и сравнивая с ними словесные портреты деятелей русского летописного повествования, не только не указала на наличие этих характеристик в тексте Хроники Малаалы, но прямо заявила, что в этой хронике словесных портретов не обнаруживается.

По сравнению с Хроникой Малаалы характеристики исторических лиц, большей частью князей, встречаются на страницах русских летописей значительно реже. Еще меньше находим в них внешних черт портретного облика, но зато значительно пространнее даются моральные черты, оценка которых производится летописцем с точки зрения господствовавшей тогда религиозной идеологии. Так, например, обратимся к характеристике в «Суздальской летописи» князя Всеволода Юрьевича. Сообщая под 1212 г. о кончине этого выдающегося деятеля Северо-Восточной Руси, летописец продолжает: «Много мужествовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злых казня, а добросмысленных милуя: князь бо не втуне мечь носить въ месть злодѣмъ, а въ похвалу добротворящимъ».¹⁸⁸

Подобная же характеристика дается его сыну Константину под 1216 г.: «Сѣ бѣ блаженныи князь зѣло украшенъ всѣми добрыми нравы, възлюбилъ бога всею душею и всѣмъ желаньем, божий страх отинудъ имѣ в серци и в души своей».¹⁸⁹

Большее внимание уделяется внешним чертам облика князя Василька Ростовского, погибшего мученической смертью в татарском стане после по-

¹⁸¹ Там же, стр. 19.

¹⁸² Н. А. Мещерокий. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малаалы, стр. 282.

¹⁸³ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малаалы в славянском переводе, книги XI—XIV. — СОРЯС, т. XC, № 2. СПб., 1913, стр. 11.

¹⁸⁴ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малаалы в славянском переводе, книги XV—XVIII. — СОРЯС, т. XCI, № 2. СПб., 1914, стр. 3.

¹⁸⁵ Там же, стр. 13.

¹⁸⁶ Там же, стр. 17.

¹⁸⁷ А. Б. Никольская. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе. — Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 191—200.

¹⁸⁸ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 184.

¹⁸⁹ Там же, стр. 187.

ражения на реке Сити 4 марта 1238 г. В летописной записи, посвященной гибели этого князя, мы читаем: «Бѣ же Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ... Мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина с ним ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣде въ доброденствіи на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышасте».¹⁹⁰

Наиболее же пространную характеристику князя мы читаем в Ипатьевской летописи под 1288 г., в записи о смерти князя Владимира Васильковича. В этой характеристике в равной степени уделено внимание как чертам внешнего облика князя, так и душевным его качествам: «Сіи же благовѣрный князь Володимеръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты, кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги; рѣчь же бяшетъ въ немъ тольста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловецъ хитръ, хороборъ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, не лживъ, татѣбы ненавидяше, питья же не пи отъ возраста своего. Любовь же имѣяше ко всемъ, паче же ко братии своей, ко хрестъномъ же цѣлованьи стояше со всею правдою, истинною, нелицемѣрною; страха же божия наполненъ, паче же милостыни прилежае, монастырь набдя, чернѣцѣ утѣшаа и вси игуменѣ любовью пріимая, и монастыри многи созда, на всѣ церковный чинъ и на церьковники отверзълъ ему бяшетъ богъ сердце и очи; иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормител бо бяшетъ чернцемъ и черницамъ и убогимъ, и всякому чину яко возлюбленный отецъ бяшетъ, паче милостынею бяше милостивъ».¹⁹¹

Мы нарочно привели эту пространную выдержку для того, чтобы наглядно показать, что и в этой характеристике хотя и уделено чертам портретного изображения значительно больше места, чем во всех рассмотренных выше, но эти черты буквально тонут в многословном изображении моральных совершенств героя. Здесь выписан идеальный образ благоверного князя, каким он должен быть по представлениям официальной церковной идеологии того времени. Произведенные нами сопоставления Хроники Малалы и летописей доказывают, как нам кажется, что, во-первых, авторы летописных статей отталкивались в своем изображении портретных черт людей от переводных образцов Хроник Малалы и Амартола. Оттуда брали они самый порядок введения портретной характеристики в историческое повествование. От Малалы же идет, без сомнения, и скульптурная выпуклость словесного изображения.

Что же касается конкретных приемов изображения облика деятеля, то в этом летописцы решительным образом отходят от шаблона, получившего распространение в переводной письменности. И в этом сказалось влияние феодальной идеологии, находившей опору в моральном учении православной церкви. Мы видели, что уже и в самом тексте Малалы по мере перехода от римской античности к византийскому средневековью идет на убыль внимание к внешним чертам портрета.

Изображая людей, в частности создавая облик идеального князя, летописец шел от общих представлений, от заранее заданного в общественной идеологии своей эпохи и своего класса совершенного образца. Сущность этих идеальных представлений как в морально-идеологическом, так и в литературном плане с достаточной полнотой раскрыта в работах Д. С. Лихачева. Идеальным представлениям о том, «какко подобает человеку быти», вполне соответствовали и те стилистические нормы, те фразеоло-

¹⁹⁰ Там же, стр. 199.

¹⁹¹ Там же, т. II. СПб., 1843, стр. 220—221.

гические этикетки, которыми располагал летописец в своей словесной палитре. Князь в летописи всегда официален, отмечал Д. С. Лихачев, он всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Гереальдность и церемониальность, свойственные изображению князей, не требуют пространного выражения. В летописи описываются в первую очередь поступки князей, но не психологические причины, их вызвавшие.¹⁹²

Выразив свое согласие с положениями, приведенными в работах Д. С. Лихачева, мы можем добавить к этому, что и черты внешнего облика князя, как случайные и потому внутренне не связанные с его «геральдическими» поступками, для летописца случайны и отступают на задний план. Только в тех случаях, если автор летописной статьи считает себя как-то особенно обязанным восхваляемому им князю, как это было в отношении составителя Ростовского летописного свода к Васильку Ростовскому и в отношении автора последних записей Ипатьевской летописи к Владимиру Васильковичу Волинскому, только тогда этот автор наряду с весьма распространенной моральной характеристикой князя сообщает и о внешних чертах его облика, гармонирующей своей красотой телесной с красотой души.

Таким образом, и в данном случае мы имеем право сделать вывод, что воздействие переводной письменности на русскую самобытную литературу отнюдь не подавляло и не сковывало эту последнюю, а давало ей силы, оттолкнувшись от своего образца, создавать высокие культурные и эстетические ценности, которые способствовали становлению и укреплению идеологии тогдашнего общества.

Приведем еще некоторые наши наблюдения над литературной судьбой важного переводного памятника XV в. «Рыдания» Иоанна Евгеника. Как мы показали уже в 1953 г., фразеология этого перевода пришлась по вкусу русским книжникам того времени, хорошо владевшим «украшенным» слогом, искусством «плетения словес». Следы знакомства с «Рыданиями» можно заметить в повести «О взятии Царьграда», в посланиях старца Филофея. С особенной же выпуклостью проявляется воздействие фразеологии, свойственной «Рыданиям» Иоанна Евгеника, на памятник, созданном уже в XVII в., на «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства», одном из наиболее характерных памятников эпохи польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в.¹⁹³

В настоящее время мы имеем возможность дополнить данный список еще одним произведением, лишь недавно открытым и введенным в научный оборот Я. С. Лурье.

Это произведение — «Послание вельможе Иоанну о смерти князя», озаглавленное так его издателем и приписываемое им Иосифу Волоцкому.¹⁹⁴ Мы не будем касаться тех доводов, на основании которых Я. С. Лурье производит свою атрибуцию. Они далеко не бесспорны. Но как бы к ним ни относиться, необходимо признать, что в данном

¹⁹² Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43; 2) Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 5—16.

¹⁹³ Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 84—85.

¹⁹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зминова и Я. С. Лурье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 154—160. Соображения Я. С. Лурье по атрибуции памятника см. на стр. 35—36, а также в статье того же автора «Послание вельможе Иоанну о смерти князя (К проблеме атрибуции древнерусских литературных произведений)» (Slavia, гоґ. XXVII. Praha, 1958, № 2, стр. 216—255).

памятнике мы должны видеть произведение, возникшее не ранее последней трети XV в. Таким рубежом самой ранней датировки «Послания» служит явная зависимость его текста от перевода «Рыдания» Иоанна Евгеника. А так как последний, как мы указывали выше, появляется на Руси в 60-е годы XV столетия, то, следовательно, «Послание» возникло позднее.

В своем комментарии к издаваемому памятнику Я. С. Лурье отметил два места, в которых, по его мнению, отразилась фразеология «Рыдания».¹⁹⁵ На самом деле таких мест, где находим прямые отклики на фразеологию перевода Иоанна Евгеника, в тексте «Послания» значительно больше. Можно смело сказать, что весь памятник как бы пронизан отдельными выражениями и словосочетаниями, взятыми из переводного образца. Остановимся на некоторых наиболее ярких примерах.

Текст «Послания»

Беды же кыа имам обрыдавати
(стр. 155).

И тогда бысть горе и увы, и тма, и мрак покры всех, яко мнозем глаголати горам: «Падите на нас!» и холмом: «Покрыйте нас!» (стр. 155).

Христоименитый и боголюбивый и великолепный и славный и светлый род... яко лист уже увяде, яко цвет отпаде, и яко свет златаго светильника угасе, и оставися дом пуст (стр. 155).

И прежде конца обзага концем претяй, и прежде суда чаемаго излиася на нас пельныи судеб божних, и прежде муки ожидающия нечестивых изыде на нас горесть вечнаго мучениа (стр. 156).

Но, о, хто достойне возможет ипытати судеб божних бездну, Христе царю, еже бысть сицевых ради? (стр. 159).

Что и жити подобает, иже эле оставшим? Которая и спасению надежда, иже сицеваго зла доживших и толику злобу видевших, иже лучшему всех отъемшуся от земля? (стр. 160).

Перевод «Рыдания»¹⁹⁶

Храняхся сему времени узрѣти и рыдати, плакати общую бѣду (л. 313).

Издѣхохомъ ничто же разслабленых и единое отчаявшихся разстоимъ с[я]. Горы падѣте на ны, хльми покрыйте ны (л. 313 об.).

О христоименитыи роде, якоже листъ уже и цвѣт отпадѣши, или яко свѣтъ златаго свѣтльника угасшии... се оставися домъ нашъ пустъ (л. 316).

И прежде конца державнаго видѣмых и прежде суда суду и прежде будущиа вѣчныя муки ничто же намъ лучшии оная (л. 316).

О, христе царю, увы! О, христе царю всѣхъ! О, о имъ же преславнаа возглаголашася иже великаго царя бога граде! (л. 311).

И иже лучшему всѣх отъемшуся от земля (л. 314).

Кроме указанных параллелей, в самом конце «Послания» во второй раз приводятся 3-й и 4-й отрывки, причем последний дается в форме, еще более близкой к соответствующему месту «Рыдания»: «Преж конца державнаго конец, преж суда суд преж вечныа муки мука». В этой связи может быть подвергнута критике догадка Я. С. Лурье, высказанная им в комментарии к данному тексту: «Слова „преж конца державнаго конец“ могут быть поняты как указание на то, что герои послания умерли раньше „державнаго“ (великого князя); но более вероятно понимание слова „державный“ в смысле „лучший“: ...герои послания не дождались „лучшего конца“».¹⁹⁷

Поскольку в данном случае слова «державнаго конца» восходят к переводному источнику «Послания», постольку, конечно, нельзя под ними разуметь намек на кончину Ивана III. Не можем мы согласиться и с пониманием «державнаго» как «лучшаго». Использование этого же

¹⁹⁵ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 249.

¹⁹⁶ Текст перевода «Рыдания» Иоанна Евгеника приводится по рукописи XV в. [ГПБ, собр. Кирилло-Белозерск., № 64 (1303), лл. 311—324 об.].

¹⁹⁷ Послание Иосифа Волоцкого, стр. 251.

места в «Послании» в первый раз заменяет эпитет «державнаго» на «общаго (конца)». И в этом отношении автор «Послания» оказался прав, истолковывая так данный эпитет. В греческом приведенное место «Рыдания» читается: *καὶ πρὸ τῆς συντελείας τοῦ κρατίστου τῶν φαινομένων καταστροφή* — «Прежде общего конца — гибель видимых».

Таким образом, привлечение переводного источника помогает нам правильно понять текст древнерусского оригинального памятника.

В заключение хочется выразить надежду, что очерченный здесь круг вопросов, заслуживающий глубочайших исследований, станет в ближайшем будущем предметом более широкого изучения. Понять до конца все богатства, накопленные культурой нашего народа вплоть до современности, можно только тогда, если глубоко проникнуть в его историческое прошлое и проследить все истоки этого богатства.
